

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

(История одной детдомовки)

Автор — Федотова Валентина Алексеевна,
урожденная Рыбальчук

Новосибирск 2019

Содержание

1. Шегарская ссылка родителей моей матери и семьи брата её Никиты. Дальнейшая судьба рода Сваровскихстр. 3
2. Трагедия семьи Рыбальчук. Родной Базойстр. 16
3. Колыванский детдом – начало новой жизнистр. 26
4. Новый этап моей Колыванской жизни.....стр. 38
5. Тридцать лет преподавательской деятельности.....стр. 46
6. Лекторская работа.....стр. 58
7. Работа в методсовете преподавателей общественных дисциплин техникумов областистр. 62

Рыбальчук Евдокия Егоровна, урожденная Сваровская, родом из д.Середино
Колыванского района Новосибирской области. Фотография ещё из
благополучной сытой жизни.

Глава 1

Шегарская ссылка родителей моей матери и семьи брата её Никиты. Дальнейшая судьба рода Сваровских

История моего Отечества, как при царе, так и при Советской власти, проехала своей телегой по судьбам моих предков и моей семьи. Оба прадеда мои были сосланы в Сибирь при царе. Откуда? Не знаю. Прадед по линии матери — Сваровский Алексей. Эта фамилия дала мне повод предположить, что он был поляк. Уже в старости я узнала, что двоюродный брат Николай Перышкин в Колыванском архиве нашел данные, что он действительно был поляк. Об этом сказала мне родная сестра Николая — Тамара Перышкина (девичья фамилия).

При советской власти в с.Середино жили четыре брата Сваровских: Алексей, Егор, Константин и Семен.

Наш дед Егор Алексееви был основателем деревни Середино. У него было прозвище «Середин». Отсюда и название деревни. Егор привез невесту Неониллу Степановну из Кожевниково (Томской области) фактически в лес. Она ему говорит: «Ну и куда же ты меня привез?». Он отвечает: «Ничего, построимся». И построились. И развели хозяйство. Да крепкое. К тому же в сельсовете было записано, что у них есть наемный работник. Тетя Клава говорила, что никаким наемным работником Яков не был. У него умерла мать, а мачехе он был не нужен. Егор Алексеевич принял его. И жил Яков как член семьи. Ему сшили одежду, обувь справили. Работящий был парень, работал вместе со всеми, питался и вообще жил в семье. Через несколько лет ему справили дом, дали скотину, чтобы он мог стать самостоятельным хозяином. Но в сельсовете он значился наемным работником деда Егора. Значит, дед — кулак, подлежит раскулачиванию и расстрелу.

Об их имущественном положении говорит официальный документ — Решение Колыванского районного суда Новосибирской области от 3 апреля 1997 года. «Руководствуясь ст.247 пп. 10251 ТПК РСФСР от от 18.10.1991г. «О реабилитации жертв политических репрессий», суд решил: «Установить факт конфискации имущества в виде жилого дома, семи голов крупного рогатого скота, двух лошадей, двух свиней, улья, восьми овец, семи ягнят, посевов 5,68 десятин, льна 0,79 десятин, сенокоса 4,5 десятины в связи с незаконными политическими репрессиями у Своровского Никиты Егоровича, 1898 г. рождения в с.Середино Колыванского района НСО». Это, вне всякого сомнения, заниженные цифры. Даже наличие дома пришлось в суде доказывать с помощью свидетельских показаний. В справке указан один улей. А Агриппина, внучка деда Егора, дочь его сына Никиты и жены его Клавдии, говорила, что из ульев деда Егора была создана колхозная пасека, на которой позже работала средняя дочь деда Егора тетя Нюра.

А недавно мой двоюродный брат Иван Петрович Оленников рассказывал со слов его матери, тети Оли, младшей дочери деда, что уедет утром дед на пасеку, накачает кадушку меда и разливает соседям по ковшу. А на следующий день едет качать мед и опять угощает соседей.

А в судебном решении значится один улей. Тетя Клава рассказывала дочери Нине, что только дойных коров было семь. А были ещё нетели, быки, телята. Купили племенного бычка, да что-то прихворнул он. Тетя Клава выходила его, справный стал бычок, хорошее потомство должен был дать. А в колхоз забрали — пустили на мясо. Сколько овец было, и не знали, не считали. Много было.

У деда Егора и бабушки Неониллы были четыре дочери: Устинья, Анна, Евдокия, Ольга и сыновья Егор и Никита. Евдокия, Дуняша — это моя будущая мать. «Модница, красавица», — так говорит ее крестная дочь Валентина Алексеевна Уськова. Она родилась 25 мая 1925 года. В 2018 г. Ей исполнилось 93 года. Она единственная из моих живых ещё родственников, которая знала мою мать. Она называет ее «леля Дуня».

Сноха дедушки и бабушки тетя Клава, жена дяди Никиты, последнее время жила у младшей дочери Нины Алексеевны Сваровской, с которой мы живем по соседству в г.Новосибирске. Здесь я с ней и познакомилась. Однажды я просидела с ней несколько часов и она многое рассказала мне о жизни в доме Сваровских. Она все знала изнутри. Говорила, что родители не хотели отдавать дочь замуж за моего будущего отца. В.А.Уськова так это объясняет: «У нее были поклонники богатые и красивые. И вдруг объявился жених, никому не известный. Откуда она его взяла?». Видимо, не произвел на будущих родственников должного впечатления. Сваровские все были красивые, работающие, гордые (польская кровь). «Мы были главными в деревне», — так сказала мне В.А.Уськова.

Но, наверное, моя мать тоже была с крепким характером. Раз не отдают родители добром замуж за любимого, решила уйти убогом. Стала тайно готовить себе приданое у соседки. Соседка сначала покрывала мою мать, но потом поговорила с бабушкой: «Раз уж у них такая любовь, лучше добром отдать, чем убогом уйдёт».

Пришлось родителям смириться, выдали дочь за немилого им зятя. Было жениху и невесте по 17 лет. Оба 1907 г. Рождения. Значит, поженились они в 1924 или 1925 году. Это было относительно благополучное для крестьян время. У Дуняши началась семейная жизнь в Базое. Счастья она ей не принесла, как не было счастья у большинства крестьян страны.

А в Середино жизнь продолжалась по-прежнему. Нравы в семье были суровые. Слово деда было законом. Однажды дядя Никита поехал в Колывань за покупками и взял с собой жену Клавдию. Уже далеко отъехали они от дома и встретили деда. Он категорически запретил сыну брать с собой жену, а когда тот попытался воспротивиться, он так пригрозил, что сын вынужден был подчиниться.

Тетя Клава рассказала мне и такой случай. Младшая дочь долго не возвращалась с вечерки. Дед послал за ней сноху. Но дочь не исполнила его приказ немедленно. Когда она все-таки вернулась домой, он чуть не заporол ее до смерти. Тогда сноха бросилась к девушке. Легла на нее и говорит: «Убивай меня, а ее не дам». Сноху дед не тронул на этот раз и вообще руку на нее не поднимал никогда. Возможно, опасался гнева ее родителей. Мать ее Ирина Павловна была женщина отчаянная, на любого мужика могла с палкой кинуться. Да и тоже люди были не бедные. Не резон был с ними ссориться. Клавдия была женщина работающая. Никита ее любил. Она была хорошо одета своими родителями. А здесь ее покупками не баловали. Все для дочерей старались закупить подарков. Это рассказала мне Нина, младшая дочь тети Клавды.

Бабушка Неонилла (по оценке тети Клавды) была женщина суровая, к снохе относилась строго. А Валентина Алексеевна Уськова, такая же ее внучка, как и я, говорит о ней: «Мама старая (так внуки звали бабушку) была мастерица пироги печь и всякую еду готовить. Бывало, кулаги наделает, льняное масло, душистое конопляное масло приготовит, всякой пици наготовит — семье и пост нипочем».

Придет к деду Егору его старший брат Алексей, говорит: «Как у вас вкусно пирогами пахнет!» А Егор ему отвечает: «Не красна изба углами, а красна пирогами. Садись, Леша, обедать». Видно, неспроста Егор так говорил. Алексей строил большой дом, чтобы и магазин в нем был. Не доедали, не допивали — все шло на строительство. Строили своими силами. Работали до упаду. С полевой работы возвращались поздно. А дома — скотины полон двор, с ней работа до глубокой ночи. А утром с петухами надо вставать: коров подоить, молоко прибрать, скотину напоить, накормить — и в стадо отправить. И опять в поле или на стройку. Вот однажды, рано утром едут Алексей с женой своей Татьяной, возможно, на покос. Татьяна только села на телегу и мгновенно уснула. А Алексей сидит на передке, управляет лошастью и не оглядывается назад. А когда приехал на место, глядь, жены-то нет. Поехал назад искать. Нашёл — как выпала с телеги Татьяна, так и спит на дороге.

И такая усталость каждый день: ни праздников, ни выходных, ни рождественских каникул, ни майских праздников, как сейчас.

После отмены продразверстки и перехода к НЭПу (новая экономическая политика), когда был установлен определенный продовольственный налог, крестьяне получили право самостоятельно распоряжаться своим урожаем и прочими доходами. Они получили право торговать излишками выращенного урожая. В итоге крестьяне не только сами наелись, но и накормили страну. В этом участвовали и мои сородичи, как в Середино, так и в Базое (родина отца).

Но эта вольница продолжалась недолго, с 1921 г. по 1927 г.

В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), партии большевиков, он взял курс на коллективизацию на принципах добровольности. А уже в январе 1928г. Сталин в своем выступлении перед

партийным активом Сибири берет курс на насильственную коллективизацию. О том, как это было в Сибири, рассказывает Гуцин П.Я. в книге «История крестьянства Сибири», Новосибирск, 1972 г. Кто не шел в колхоз добровольно, на него напирали, облагали усиленным налогом, раскулачивали за сопротивление властям.

Разные способы раскулачивания и ликвидации кулачества как класса использовались и в Середино, и в Базое по отношению к моим родственникам и их односельчанам.

Как рассказала мне В.А.Уськова об эпизоде с Алексеем Сваровским и женой его Татьяной, я вспомнила о поэме А.Твардовского «По праву памяти» о раскулачивании его отца, о муках мальчишки, жившего с клеймом «сын врага народа». Эта поэма была опубликована в последний год моей преподавательской работы. Она потрясла меня, потому что она и о моих близких и обо мне. Я читала ее в каждой группе даже у учащихся заочного отделения на уроках политэкономии. Конечно, не по теме, но я не могла ее не читать, и сейчас я тоже напишу отрывок из этой поэмы.

Сын за отца не отвечает —
Пять слов по счету, ровно пять.
Но что они в себе вмещают,
Вам, молодым, не вдруг понять.
Сын — за отца? Не отвечает!
Аминь!
И как бы невдомек:
А вдруг тот сын (а не сынок!),
Права такие получая,
И за отца ответить мог?

Ответить — пусть не из науки,
Пусть не с того зайдя конца,
А только, может, вспомнив руки,
Какие были у отца.
В узлах из жил и сухожилий,
В мослах поскрюченных перстов -
Те, что — со вздохом — как чужие,
Садясь к столу, он клал на стол.
И точно граблями, бывало,
Цепляя ложки черенок,
Такой увертливый и малый,
Он ухватить не сразу мог.
Те руки, что своею волей —
Ни разогнуть, ни сжать в кулак:
Отдельных не было мозолей —
Сплошная.
Подлинно — кулак!

И не иначе, с тем расчетом
Горбел годами над землей,
Кропил своим бесплатным потом,
Смыкал над ней зарю с зарей.
И от себя еще добавлю,
Что, может, в час беды самой
Его мужицкое тщеславье,
О, как выиграло — боже мой!

И в тех краях, где виснул иней
С барачных стен и потолка,
Он, может, полон был гордыни,
Что вдруг сошел за кулака.
Ошибка вышла? Не скажите, —
Себе внушал он самому, —
Уж если этак, значит — житель,
Хозяин, значит, — потому...

Я прочитала этот отрывок своей сестре В.А.Уськовой. Она сказала: «Все правда. Все так». И это про нашего деда Егора Алексеевича Сваровского, его брата Алексея Алексеевича. И про другого деда В.А.Уськовой — Паршенникова Алексея Алексеевича, сосланного на Галку, там и умершего. И про моего другого деда, отца моего отца Рыбальчук Николая Емельяновича, ставшего бездомным на девятом десятке лет. Алексею с Татьяной и их семье не удалось воспользоваться плодами своего труда.

Этот новый дом при раскулачивании сельсовет забрал. В нем открыли школу. В ней было шесть классных комнат: справа три и слева три, посередине большой коридор. А дальше — учительская. Окна «церковные» — большие, закругленные, с красивыми резными наличниками. Двери застекленные. Так охарактеризовала эту школу В.А.Уськова. В этой школе работала уборщицей старшая дочь Егора Алексеевича Устинья Егоровна Перышкина. А ее младшая дочь Тамара (сегодня ей 83 года, а тогда — ребенок) отыскала в подполье клад. Его проели. Эта школа простояла до большого пожара, в котором сгорела вся деревня, — в конце 70-х или начале 80-х годов XX столетия. Во всяком случае, в 1976 г., когда я приезжала в Середино попроведовать тетю Нюру (Анну Егоровну Паршенникову), среднюю дочь Егора Алексеевича, я видела эту школу.

А жила семья Алексея Алексеевича в простом крестьянском доме-пятистеннике.

У наших деда Егора и бабушки Неониллы большого дома не было, был только заготовлен лес для его строительства. А жили в обычном пятистеннике: изба и горница. Но дом был добротный, ухоженный, чистый, с белыми стенами. Горница была довольно просторная. В ней накрывали красивый богатый стол для приема купцов, которые приезжали за мехами. Егор Алексеевич пользовался авторитетом у колыванских купцов, поставляя

им качественную пушнину, стреляя белке в глаз.

Так что у деда Егора, наверное, были деньги.

Дом деда Егора после раскулачивания был взят под сельсовет. Двух братьев Егора не раскулачивали: Константина и Семена. Константин был бедняк, больше других любил выпить. А у Ивана Семеновича как сказала мне сноха Устиньи Егоровны Перышкиной (старшей дочери деда Егора) Вера Перышкина, был умный тесть. Он посоветовал подчиниться властям, вступить в колхоз и отдать все, что требуют. Ему даже поручили ездить по домам и забирать имущество у раскулаченных. Он один день поездил, ему стало плохо. На следующий день пришел в сельсовет, попросил освободить его от этой работы и отпустить в город. Не знаю, получил ли Иван Семенович разрешение или самовольно уехал с семьей в город. А отец его Семен остался в деревне в своем доме.

Уехали в город — живыми остались. А их сын Геннадий Иванович закончил институт, работал на заводе имени Чкалова заместителем директора завода по производству.

Именно на этот завод поступила и моя родная сестра Лидия Алексеевна Рабольчукова (правильно Рыбальчук). Она после ареста нашего отца жила в Середино у тети Оли, а потом во многих других домах родственников и односельчан, а с конца 1945 г. — в г.Новосибирске. Много лиха хватила она, особенно в Середино. При поступлении на Чкаловский завод она скрывает, что ее отец был арестован по линии НКВД, иначе бы ее не приняли на военный завод. Возможно, так ей посоветовали в семье Сваровских тети Нюры и дяди Вани, с которыми она была близко знакома. Позже Геннадий Иванович работал директором инструментального завода.

У меня не было таких умных советчиков и покровителей, и я никогда не скрывала, что мой отец арестован по линии НКВД, так что у меня были проблемы, связанные с моей биографией.

В Середино раскулачиванием руководил Сарафонов — председатель сельсовета. Когда в Середино приходили колчаковцы, мать тети Клары, Ирина Павловна Иванова, спасла ему жизнь, прятала его под крыльцом. Егор Алексеевич с Ириной Павловной сватовьями приходились. Он дружил и с Сарафоновым. Но дружба дружбой, а служба службой.

При раскулачивании отнимали дом, хозяйство, все имущество. Часть раскулаченных сразу повели на расстрел. Между Изовкой и Середино была выкопана яма для расстрелянных. В толпе приговоренных к расстрелу были и Алексей Алексеевич, отказавшийся добровольно вступить в колхоз и отдать новый дом, и Егор Алексеевич. Тут, видимо, что-то человеческое дрогнуло в душе Сарафопова, он выдернул деда Егора из этой толпы и сказал: «Егор Алексеевич, я тебя спасу, бегите с Никитой в лес, уходите подальше и больше здесь не появляйтесь».

Егор Алексеевич прибежал домой. А там в сенках в подполье сидели его дочь Анна и сын Никита. Никита впопыхах надел обуток только на одну ногу, на другую не успел. Так (одна нога обутая, другая босая, второй обуток в руках) побежал. Бабушке и тете Клаве мужчины не сказали, от чего они

убегают. Они сказали, что поедут искать новое место. Сказали им, что в случае раскулачивания женщин не тронут. А хозяйство, мол, пусть забирают.

После бегства мужчин в доме появился Сарафонов. Он клюкой выгребал шмутки с полатей. А там кальсоны, рубахи и прочая одежда в основном холщовые, домотканые. Обутки (обувь) тоже собственного изготовления из выделанной свиной кожи.

Дед Егор и дядя Никита поначалу скрывались в лесу недалеко от деревни. Иногда по ночам приходили домой помыться в бане и взять продукты. А потом ушли до Нарыма.

Об этом рассказала мне В.А.Уськова. Ведь Анна, что сидела в подполье, это ее мать. Ей самой тогда было шесть лет.

Итак, дед Егор и дядя Никита пока остались живы и скрылись в лесу.

А остальных приговоренных к расстрелу привели к яме, выкопанной между Середино и Изовкой, и расстреляли. Не все милиционеры стреляли, чтобы убить наповал. Некоторых ранили только в ногу. Но спихали в яму всех, и мертвых и живых. Стояла охрана. Земля шевелилась несколько дней. Чья-то голова, ещё живого, высунулась из земли. Выстрел в голову — и муки его закончились.

Я обращаюсь к равнодушным потомкам рода Сваровских и другим потомкам невинно убиенных великомучеников поставить обелиск или крест на месте расстрела, на мраморной плите написать фамилии, имена погибших. Вы сделаете святое дело. Может быть, вспомните, что вы — потомки работающих родов.

Жену расстрелянного Алексея Алексеевича Сваровского Татьяну с дочерью Валентиной отправили в ссылку на Галку, по дороге на место ссылки Валентина потерялась, возможно, была убита.

У Уської Валентины Алексеевны дед по линии отца — Паршенников Алексей Алексеевич тоже был сослан на Галку. Там и умер.

А что стало с семьей деда Егора и дяди Никиты после их исчезновения?

У тети Клавы было две дочери: старшей Агриппине шесть лет, младшей Екатерине — четыре года. И была она беременна следующим ребенком — на седьмом месяце. Ей было 24 года. Дед Егор и сын его Никита уехали, оставив жену и детей на великие муки. Но сами остались живы. Ушли до Нарыма. А через год приехали на место ссылки женщин и дожили жизнь вместе со своей семьей. Правда, жизнь их после возвращения не была долгой.

Тут они узнали, что пережили женщины и дети за время их отсутствия.

Когда в Середино началось раскулачивание, мать тети Клавы, Ирина Павловна Иванова, которая от колчаковцев спасла жизнь, как сказали бы сейчас, главе администрации, спрятав его под своим крыльцом, пришла к нему, всю ночь простояла у его кровати на коленях, умоляя не трогать дочь. Но он саму мать и ее мужа не тронул, никуда не выслал. А про дочь сказал: «Пусть придет в сельсовет, попросит защиты, скажет, что от мужа отрекается, заявит, что она в доме была только работницей. И тогда ей будет позволено вернуться в родительский дом». Но тетя Клава ответила, что с мужем она перед Богом венчана и отречься от него не собирается (знать, не перевелись

ещё русские женщины, способные повторить подвиг жен декабристов!).

И Клавдию Ивановну раскулачивали со всей строгостью: отняли хозяйство, дом. Еще немного пожили они, возможно, в бане. Дом взяли под сельсовет. Дочь Агриппина, будучи уже взрослой, вспоминала, что пока их ещё не увезли на болото, подходила к своему бывшему дому, с завалинки заглядывала в него, с ужасом видела, как их чистые белые стены ребятишки мажут чернилами (пальцы в чернильницу обмакнув и размазывают по стене).

Когда в деревне завершили процесс раскулачивания, погрузили раскулаченных в телеги. Это было в конце мая 1931г. Каждой семье разрешили взять с собой пилу, лопату и топор. Мужчинам, оставшимся в деревне, было поручено отвезти телеги с людьми на болото. Бабушку Неониллу, тетю Клаву и детей вывозил зять Петр Оленников, муж младшей дочери бабушки и дедушки тети Оли. Он бречку накрыл каким-то пологом для защиты от дождя и ветра. Тетя Клава рассказывала, что когда их увозили, все оставшиеся в деревне вышли проводить. Прощались навсегда, провожали как на погибель. Среди провожавших был и Яков. Он плакал...

Лошади уже тронулись, и тетя Клава услышала, что ее окликает моя мать. Она из Базоя пришла, чтобы проводить свою мать и сноху с племянницами. Она бежала несколько километров, держась за телегу. Возможно, от этого бега сильно вспотела, а потом напилась холодной воды и простудилась. В итоге — заболела легкими. Моей матери оставалось тогда жить около четырех лет. 2 марта 1935 года она умерла от скоротечной чахотки.

Андрей Михеев, старший брат Веры Перышкиной (фамилия мужа — Саши Перышкина, моего двоюродного брата) рассказывал ей, что ему, как и другим мужчинам, было поручено увезти в ссылку раскулаченных. Довезли до места (тайга и болота), высадили и назад гнали лошадей галопом, чтобы не слышать вой обреченных на муки и, возможно, на погибель.

Место их ссылки описал Василий Афонин в повести «Биография», опубликованной в журнале «Юность» №4, 1990г. Отрывок из нее взят мною со стр.33-34 этого журнала.

«В тридцатом году отца моего Егора Михайловича Афонина увезли под конвоем в Кемеровскую область рыть котлованы... а мать его, бабушку мою Алену Федоровну, и младшую сестру Дусю сослали с тысячами таких же на пустынные берега, в самое верховье ее, лесной болотистой реки Шегарки, левобережного притока Оби. До пристани их везли на баржах, кто умирал от духоты, болезней и голода в тюрьмах барж, тех по берегам хоронили, а оставшихся в живых погнали от обской пристани вглубь болот и лесов. Поздней осенью тридцатого холодно было и лили дожди. На Шегарке бабушке Алене дали лопату, указали место, где она должна была рыть землянку...

Сослали на Шегарку многие тысячи людей, целые деревни. От истока Шегарского начиная, были не более четырех верст друг от друга, в двести землянок деревни, в триста, в пятьсот землянок. А в

Каврушке — девятьсот шестьдесят семей. Шестнадцать килограмм ржаной муки взрослому на месяц, ребенку — восемь. В каждой деревне комендант, через несколько деревень — участковая, в Пихтовке, районном селе, — зональная комендатура. Зона от истока до Пихтовки верст восемьдесят. Выезд, выход запрещен. Хочешь жить — беги через леса, болота к Барабинску, к железной дороге, а то все одно умрешь.

Во Вдовине — первая от истока участковая комендатура, при ней тюрьма. И все в тюрьме той было по-настоящему: камеры, решетки на окнах, начальник тюрьмы, надзиратели тюрьмы, баланда. Раскорчевывали леса, рыли канавы по болотам, осушая, просеки прорубали на север, разбивая тайгу на деляны. Норму не выполнил — тюрьма. Или в ссылку новую, дальше на Север, на Тетеренку, Галку, Бакчар, Кёнгу. До Васюгана... Но ссылка — когда Бакчарскую дорогу открыли через топи: настил бревенчатый. Бакчарской дороги боялись больше, чем тюрьмы. Не выполнил норму — разденут донага, привяжут на ночь к дереву, комары облепят сразу же, к утру мертв. Да и просто умирали от истощения, тысячи покоятся у дороги — в трясине, без гроба, без креста, без приметы...

Тысячи могил от истока Шегарского до Пихтовки. Кто не погиб на Бакчарской дороге, кто не умер в землянках голодной смертью, на осушении болот, на лесоповале, кто не покончил с собой от отчаяния, надев петлю, бросившись в омут речной, кто не сбежал темной ночью, кого не взяли пред войной по линии НКВД, тот остался. К сорок первому, к войне, землянок уже не было, избы. А деревни — сто, сто двадцать, восемьдесят дворов: вымерли люди».

В это-то гиблое место и привезли раскулаченных из Середино, в их числе мою бабушку Неониллу Сваровскую, ее сноху Клаву Сваровскую и двух девочек — Груню 6 лет, Катю 4 года. Шестидесятидевятiletняя бабушка и 24-летняя тетя Клава на седьмом месяце беременности начали жизнь на новом месте с рытья землянки. Питались тем, что в лесу соберут. Научились рыбачить без рыболовных снастей. А позже научились охотиться на лося. Соберутся женщины (за командира тетя Клава), выкопают большую яму, загонят в нее лося, а потом забивают и делят между собой мясо. К зиме построили барак бревенчатый, пол земляной, нары. Жило в нем человек 18. Место их поселения называли «Вершина». Женщины работали на выкорчевке кустарника, в том числе шиповника, работали без перчаток, с утра до обеда без перерывов. Много случаев рассказывала Клавдия Ивановна своей младшей дочери Сваровской Нине Алексеевне, родившейся в ссылке. Нина мне их и пересказала.

Женщина родила ребенка. На третий день после родов ее уже гнали на работу. Ребенку сделали люльку из березовых веток, подвесили неподалеку от работающих на сучок. Ребенок плакал, закатывался, но надсмотрщик запрещал матери подойти к ребенку, покормить, перепеленать.

Говорил: «Ничего, не сдохнет». Но, преодолев страх, женщины возмутились. Надсмотрщик вынужден был позволить матери подойти к ребенку, накормить его. Но только один раз до обеда.

Позже был другой, более человечный надсмотрщик. Он через каждые 2 часа давал 10-минутный перерыв. Но он недолго работал, скоро его не стало...

Рассказывала мне тетя Клава и такой эпизод. Ее мать, Ирина Павловна Иванова, не могла жить спокойно в Середино, не зная, жива ли ее дочь и внуки. Собрала кое-какие продукты и отправилась в дальний путь. Как добралась, не знаю, но так или иначе, она оказалась у комендатуры поселка «Вершина». В поселок она идти не могла. Если бы пришла туда, то уже не вернулась бы, осталась бы в нем вместе со всеми поселенцами. Но знак дочери дала. Там в поселке придумали, как устроить встречу матери с дочерью. На передок подводы, направлявшейся к комендатуре, положили бревно. «Грузчицей» была тетя Клава. Она была уже на последних днях беременности. Но беременных не освобождали от тяжелой работы. В итоге встреча матери и дочери состоялась, продовольственную посылку дочь получила, выехав на подводе из поселка к комендатуре. Это было очень кстати, так как истощенные дети уже не поднимались с нар. Родившийся в 1934г. в ссылке Петя вспоминал, уже будучи взрослым и вольным, что для семьи было праздником, когда «мама старая», то есть бабушка Ирина, приезжала и привозила много белых сухарей.

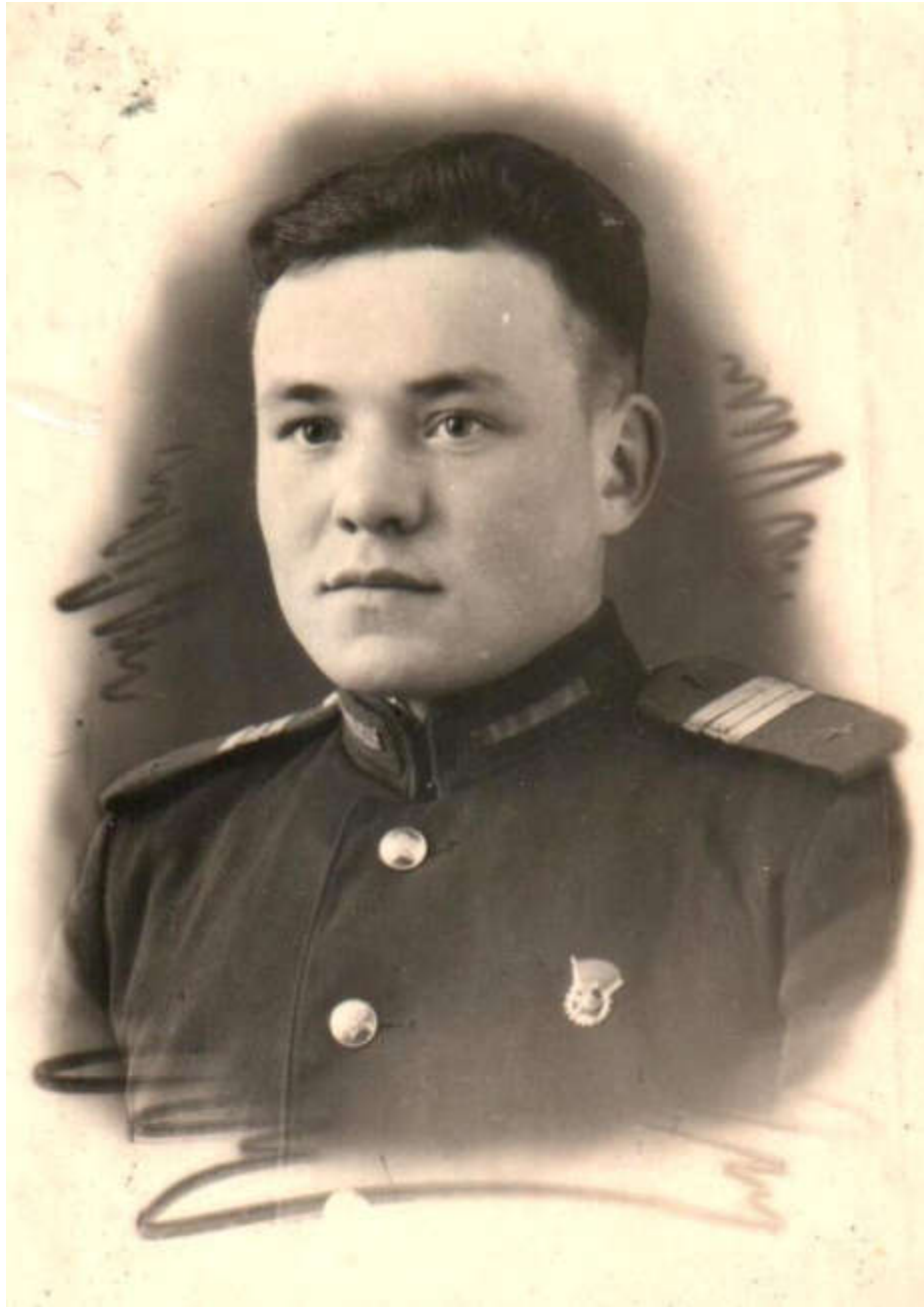
О том же, как сама тетя Клава родила и как схоронила своего младенца, дочери она никогда не рассказывала, а дочь по этому поводу не задавала вопросы, чтобы не беречь душу.

Через год дед Егор и дядя Никита вернулись из Нарыма в родные края и добрались до поселка «Вершина», где отбывали ссылку бабушка Неонилла и тетя Клава с детьми. Для них семья была дороже свободной жизни. Ведь могли же они и затеряться в нашей огромной стране. Но предпочли жить в ссылке вместе со своей семьей.

С мужчинами стало легче. Они стали ходить на охоту, наверное, не без ведома коменданта, который захаживал в гости к Сваровским и уходил не с пустыми руками. В итоге членов этой семьи надсмотрщики не били. Постепенно построили деревянный дом.

Дед Егор прожил недолго. Видно, не прошло даром пережитое. А в 1939г. умер дядя Никита. Его положили в больницу во Вдовино с острой болью в животе. Но хирурга там не было. Позвонили в областную больницу, но была нелетная погода, метель и пурга. Самолет не полетел. На следующий день дядя Никита скончался. Может, от простого аппендицита. Это было незадолго до нового 1940г.

Когда весть о смерти дяди Никиты дошла до Середино, собрались две дочери бабушки Неониллы — тетя Оля и тетя Нюра. Рассказывал мне об этом мой двоюродный брат Иван Петрович Оленников, сын тети Оли, родившийся уже в послевоенное время. Он не знает, как добрались две дочери до места

Когда Сваровским разрешили покинуть место ссылки, в семье было пять человек: тетя Клава, ставшие взрослыми дочери Груня и Катя, 4-летняя Нина и 14-летний сын Петя, единственный мужчина. Этими силами и построили для себя домишко в строящемся поселке для лесорубов — в Ремовом. Помогал им появившийся уже у Груни жених Николай.

Я была у них в этом доме, когда работала в Колыванском детдоме, ездила в командировку в Пихтовку, отвозила матери сына из детдома. В Пихтовке побывала у Груни, а потом съездила в Ремовое. Назад меня Петя отвез на дрезине. Он подарил мне эту фотографию.

Я с Екатериной Никитичной Сваровской и ее внучкой. Катя в ссылку на Шегарку была вывезена вместе с матерью и бабушкой, когда ей было 4 года, в 1931г., где и просуществовали они 17 лет, до 1948г. Там прошли ее детство и юность.

ссылки матери в Вершину — пешком или на попутных лошадях. Еще труднее был обратный путь: ведь возвращались с бабушкой Неониллой, которой было лет 77-78. Доживала свой век бабушка в родной деревне Середино у младшей дочери Ольги. А тетя Клава с детьми осталась в ссылке одна без мужчин и свекрови.

Во всех поселках уже в 1931г. были образованы колхозы, подотчетные комендатуре. И колхозники работали бесплатно. Не были исключением и остальные поселенцы. Кроме того, они должны были платить натуральный налог: молоко, масло, мясо, яйца, шерсть, независимо от того, есть скотина или нет. И еще должны были платить денежный налог. Не уплатишь — год тюрьмы.

Однажды над тетей Клавой нависла такая угроза. Она отправила сына Петю в Пихтовку продать яйца — 2 ведра накопила. Тот по дороге споткнулся, упал — все яйца разбились. Тогда было решено старшую дочь Агриппину отправить в город продать поросенка. Она получила в комендатуре разрешение, съездила в город, продала поросенка, и уплатили денежный налог — так мать была спасена от тюрьмы.

Так вот и жили в ссылке до 1948г. Первыми ушли к бабушке Ирине Павловне Агриппина и Катерина, в Новую Еловку, куда она перебралась после смерти мужа. Ушли вроде как на побывку.

А потом комендант Гонда пришел к матери и говорит: «Сваровская, уезжайте отсюда, пока все не померли с голоду». Из этой семьи в Вершине осталось 3 могилы.

Уезжали они на быке. Весь скарб их был: чемоданишко, две глиняные корчажки, да Нину — 4-х летнюю дочь зарыли в солому, больше нечем было утеплить. А мать с сыном Петей шли пешком. Так перебрались в Новую Еловку, где жила бабушка Ирина. Рядом с ней пустовал дом. В нем хоть и не все плахи пола сохранились, но дом был добротный, была там исправная русская печь. Ее протопили, дом нагрелся — и они впервые за 17 лет оказались в «раю» — теплом бревенчатом доме. Жить было можно. Но работа — только в колхозе. А это бесплатный труд, а жить на что-то нужно. Подрос сын Петр. Надо было устраиваться на работу. Клава прослышала, что строится новый поселок Ремовое для рабочих — заготовителей леса. Туда и направились. Строили дом своими силами: сын Петя, у Груни уже появился жених Николай. Он тоже участвовал в работе. А руководила всем тетя Клава. Так началась жизнь на свободе.

И дожила Клавдия Ивановна до глубокой старости с детьми своими. Старшие дочери обзавелись семьями своими и перебрались в Пихтовку. Позже туда переехал и Петя с семьей. Тетя Клава еще жила в Ремовом, даже когда жители поселка разъехались. Она там осталась одна... Иногда медведь ее проведовал. Потом тоже переехала в Пихтовку, куда на усадьбу сына Пети перевезли ее избушку из Ремового.

Теперь уже нет дочерей старших, тоже доживших до глубокой старости. А младшая Нина, когда выросла, училась в Пихтовке в одном классе с младшим братом Василия Афонина, автора «Биографии». Теперь она

пенсионерка и живет неподалеку от меня. Именно у нее доживала свой век тетя Клава, где я с ней и познакомилась. Петя с женой Тамарой давно пенсионеры и живут в нашем районе города Новосибирска.

Что мне известно о судьбе потомков рода Сваровских? В основном они прожили жизнь в селе, работали в колхозе, как В.А.Уськова — внучка деда Егора, как Раиса Сваровская — внучка деда Константина. Уехавшие в город становились рабочими заводскими, как Тамара Перышкина-Кунгурцева, как сын тети Оли, младшей дочери деда Егора, Иван Петрович Оленников. Он до сих пор трудится на 80-м заводе. Дочь тети Оли Евдокия Петровна была директором школы в Малой Черемшанке, имела звание заслуженного учителя. Ее сестра Мария Петровна всю жизнь проработала заведующей почтой. Ее дочь Людмила — педагог. А ее два сына — врачи.

Самый успешный из рода Сваровских — внук деда Семена Геннадий Иванович — последняя его работа была — директор инструментального завода. Его сын Сергей Геннадьевич работал в НЭТИ, доцент. Его сын Александр Геннадьевич тоже закончил НЭТИ. Был еще сын Геночка. Об этом рассказала мне Сваровская Нина Алексеевна.

Я обращаюсь к потомкам рода Сваровских. Если обнаружите в моей книжке какие-то неточности или у Вас есть сведения, не раскрытые здесь, сообщите об этом в Колыванский музей. Все написано здесь по рассказам моих родственников. Но и они знают об этом в основном по рассказам родителей. А память человеческая не безупречна. Ничего, о чем я написала, не подтверждено документами, как я сделала это по вопросу об отце.

Несколько лет назад я обращалась в Новосибирский областной архив с вопросом о прадеде нашем Сваровском, отце наших дедов: Алексея, Егора, Семена, Константина: когда, откуда, за что он сослан в Сибирь. Мне ответили, что материалы всей польской ссылки в Томске. Я написала по указанному адресу. Но ответа не получила. Может быть, кто-то из молодых закончит мое дело? А возможно, у кого-то есть документально подтвержденный ответ. Сообщите об этом в Колыванский музей.

Очень желательно получить список расстрелянных в Середино. Я обращалась по этому вопросу в Областной архив. Мне ответили, что у них такой информации нет. Но посоветовали обратиться в областной ЗАГС. Там должна быть информация о всех смертях в этот период с указанием причин смерти.

Об отце я тоже не знала, кому писать. Написала: Томск, областному прокурору — в итоге не скоро, но получила ответ — и в 1958г. и в 1993г.

Мое первое обращение послужило поводом для пересмотра дела. Мы с сестрой получили справки о реабилитации отца.

Разве Серединским потомкам невинно убиенных не станет легче, если они получат такие справки? И максимум — они поставят обелиск с фамилиями расстрелянных.

Я с удовлетворением прочитала сообщение в газете о том, что в процессе реставрации сквера Героев Революции будет не только реставрирован Факел, но и поставят памятник жертвам Нарымской ссылки. А

почему нет упоминания Шегарской ссылки? Ведь это наша область, наш Пихтовский район. Возможно, куратор проекта Константин Голодяев считает Шегарскую ссылку частью Нарымской ссылки? В любом случае, я, как заинтересованное лицо, поддерживаю эту идею.

Рыбальчук Алексей Николаевич уже в неблагоприятный период жизни, бездомный и голодный

Глава 2

Трагедия семьи Рыбальчук. Родной Базой.

Прадед по линии отца, со слов его внучки, сестры отца, моей тети Насти Невротовой, был сослан в Сибирь за участие в бунте против помещика. Из этого могу предположить, что он родом из семьи крепостных или бывших крепостных, «временно обязанных крестьян». Фамилия Рыбальчук сейчас встречается, в основном, на Украине, по данным интернета. Сын прадеда, наш дед Рыбальчук Николай Емельянович, был молодым парнем, когда приехал с отцом в Сибирь.

Семья Николая Емельяновича жила в Базое Кожевниковского района Томской области. По словам тети Насти, до революции дед был батраком. А после революции он получил земельный надел, который до сих пор сохранил название «Рыбальчуковский лог». В семье «дедыньки» Николая и «бабыньки» Марфы (так звала их моя старшая сестра) выросли три дочери: Парасковья, Антонида и Анастасия и два сына: Илья и Алексей. Дед умер в 1941г. В возрасте примерно 100лет. Бабушка умерла на несколько лет раньше, еще при жизни отца. Дочери их дожили до старости, а оба сына были расстреляны. Илья — в 1920, Алексей — в 1938г.

После Октябрьской революции в стране была развязана гражданская война и иностранная интервенция. В одном из походов Антанты против Советской России участвовало 14 иностранных государств. Для борьбы с внутренними и внешними врагами создавалась Красная Армия. Ее нужно было кормить. Нужно было обеспечивать продовольствием и рабочих и всех горожан.

В стране был голод. Правительство Ленина стало проводить политику «военного коммунизма». С 1919г. была введена продразверстка, запрещена частная торговля. Создавались рабочие продотряды, которые направлялись в деревни и выгребали фактически весь урожай, даже семенной и фуражный фонд. В деревнях создавались комитеты бедноты, которые помогали продотрядам находить спрятанный хлеб. Взамен крестьянам ничего не давали.

Эта политика и привела к массовым крестьянским восстаниям. Одним из таких восстаний было Колыванское восстание в 1920г. Оно затронуло и семью моего деда. В Базое формировался отряд в поддержку Колыванских повстанцев. Пришли к Николаю Емельяновичу за Ильей, которому было 17 лет. А дед заранее спрятал его на заимке. Видимо, не хотел дед ссориться с советской властью, которая ему дала землю. Деда допрашивали с пристрастием, повели в тайгу, поставили к дереву, грозились расстрелять, если он не скажет, где сын. Не выдержал дед и показал, где спрятал парня. Илью заставили присоединиться к отряду. Сели повстанцы в брички и поехали из Базоя, чтобы присоединиться к восставшим против Советской власти. Но далеко уехать не удалось. Попали в милицейскую засаду. В

перестрелке Илья погиб, не успев и выстрелить. Так Николай Емельянович и бабынька Марфа потеряли своего старшего сына. Рассказала мне об этом родная сестра Ильи тетя Настя Невротова.

В 1921г. в стране был взят курс на НЭП (новую экономическую политику). Продразверстка была заменена продналогом. После уплаты продналога, определенной величины налога, его излишками можно было торговать. Теперь крестьяне были заинтересованы больше пахать и сеять, увеличивать производство продовольствия.

В этих условиях крепло хозяйство и «Серединского» деда Егора Алексеевича и «Базойского» деда Николая Емельяновича. Судя по описанию имущественного положения отца до того, как у него отняли дом и хозяйство, неимущим он не был. В следственном деле отца записано, что у отца с дедом было земли 40 га, из них 12га пашни, 2 амбара, крупорушка, 2 плуга, 6 борон, 1 сеялка, 1 молотилка, 6 лошадей, 4 коровы, 2 быка, 10 баранов, 6 свиней, пасека из 20 ульев. Дом обычный, пятистенник, изба и горница. Изба, понынешнему кухня, небольшая, половину ее занимала русская печка. Я была в этом доме в студенческие, 50-е годы, вместе с тетей Настей. В доме все было, как при моих родителях. Даже ухват у печки стоял материн. Сразу против входа стол кухонный, он же и обеденный. За ним вдоль всей стены лавка. Она заменяла мебель. Над лавкой, за столом - небольшая полка для мужских шапок. Справа — дверь в горницу. Потолки низкие, окна небольшие. Но бревна из сердцевины кедров, вечные. Я была в Базое в 2012г., дом уже не первый раз перестроен, а бревна использованы старые, черные. Это было видно по той стене, которая еще не была обшита тёсом.

В этот дом и на это хозяйство привёл тогда мой будущий отец свою невесту, мою будущую мать, Дуняшу, в 1924 или 1925 году им было по 17 лет. Как видно, голод ей не грозил, и работы хватало. Была любовь и счастье было.

Но ее родители брак считали неравным. И это, видимо, наложило свой отпечаток на взаимоотношения в семье. Характеры не простые и с той и с другой стороны. Но самое главное, что сыграло трагическую роль в истории моей семьи, это коллективизация. Мои родители, как и все односельчане их, вступили в колхоз. Обобществили весь скот, включая кур и коров. Тетя Настя рассказывала, что семья в день получала от колхоза по «четушке» молока. У матери один за другим умерли трое младенцев. Мать говорила: «Последнюю заморим с голоду»..Это она о моей сестре Лиде. Меня еще не было. Злилась мать очень..

И вот, однажды прогоняли по улице табун колхозных лошадей. Мать выскочила и завела свою Пеганку во двор. Этим она фактически подписала себе и всей нашей семье смертный приговор. Ее поступок означал выход из колхоза.

Их обложили единоличным налогом. А это был один из методов насильственной коллективизации. Единоличный налог устанавливался заведомо невыполнимый. За неуплату налога у них и отняли дом и хозяйство. Формально это не было раскулачиванием. Их никуда не высылали. Но жить

было негде и есть нечего. Кто - то из соседей приютил. Лида говорила: «Жили в какой-то стопочке», возможно, в чьей-то летней кухне. А ведь это семья: бабушка с дедушкой, мать с отцом, сестра Лида и я еще родилась. Может быть, дедушка уходил ночевать на заимку. Днем же он ходил по миру, собирал подаяния. Какие принесет кусочки побелее, те размочит в тряпочке в воде, это мне соска, мое искусственное вскармливание. Матери меня не давали кормить, так как она вскоре после того, как меня родила, заболела скоротечной чахоткой с кровохарканьем. Дело в том, что есть было нечего, и она, еще слабая, «сырая» после родов, нанялась жать рожь, устала там, полежала на полосе и, видимо, после этого заболела. Никакого медицинского обслуживания в деревне не было. Да и о каком лечении можно было думать, когда просто нечего было есть. Сестра Лида вспоминала, что я все время плакала в зыбке, кричала и никого к себе не подпускала. Только бабынька Марфа подползет по полу к зыбке и покачает. Не познала я ласковых материнских рук, не лежала у матери на груди, не наслаждалась материнским молоком. Дедынька Николай Емельянович был моей «кормящей матерью». В этих условиях и закладывались основы моего здоровья и моей нервной системы.

Когда умерла моя мать, мне было 1,5 года, а сестре Лиде 5,5 лет. Как же мне удалось в это страшное голодное время выжить? Ведь у матери умерли трое младенцев, когда они жили в своем доме, хоть огород был и по четушке молока давали? Только сейчас, в глубокой старости, когда я пришла к Богу, я осознала, что выжила я с Божьей помощью. И не только в тот момент, а и в течение всей моей нелегкой жизни он мне помогал.

А тогда, после 2 марта 1935 года, когда умерла наша мамынька, остался наш тятенька Алексей Николаевич вдовцом с двумя малолетними детьми и престарелыми родителями. Надо было как-то жить дальше, поднимать детей. Детям нужна мать. Отцу же было в это время 28 лет. И наверное, несмотря на все потрясения, потери, нужду, голод, он оставался привлекательным мужчиной, за которого когда-то готова была уйти «убегом» моя мамынька. Тетя Настя говорила мне, что были девушки- соперницы, которые боролись между собой за внимание моего отца. Среди них была Фрося, дочь председателя сельсовета, и Феврония. Отец выбрал Февронию. Лида говорит, что она ему была пара, симпатичная, ростом подходящая. А главное — она очень его любила.

С новой женой, детьми и с матерью тятенька переехал в Бибеево, по другую сторону Оби. Устроился работать в леспромхоз, получил жилье. Это не был пятистенник, была изба с русской печкой, без сенок, кладовки. Из избы открываешь дверь — и сразу на улице. Все «удобства» на улице, не только для взрослых, но и для меня в возрасте 4,5 лет. Кое-что из этой жизни я уже помню. Не помню никаких скандалов, тем более рукоприкладства во взаимоотношениях тятеньки с мачехой. Мне от нее иногда доставалось. Помню случай, когда она отхлестала меня пучком лучины за то, что я не назвала ее мамынькой. Второй эпизод помню такой: я полезла на печку, где лежала Лида. Мне нужно было перелезть через ее ноги. На одной ноге я

увидела что-то непонятное. Это было время, когда я пробовала всё «на зуб». Вот и тут попробовала — и укусила Лиду за чирей. Лида закричала от дикой боли. Когда мачеха узнала, в чем дело, она меня «приласкала» ухватом...

Помню, как хоронили бабыньку Марфу. На улице холодно, сыро, грязь, возможно, осенняя. Отец несет меня на своих плечах...

И всю жизнь помню арест моего отца. Пришли какие-то мужчины, спрашивают отца. Лида быстро сбегала за мачехой, она была на работе. «Гости» стали спрашивать, где хозяин. Мачеха ответила: «На работе, в леспромхозе». Прежде, чем туда уехать, они проверили все в доме: заглянули под кровать, слезили в подпол, посмотрели во дворе. А потом уехали и вскоре привезли отца. Позволили поесть. Помню эту картину хорошо: в избе чисто, свежeweымытый пол, чисто на скобленном столе, отец сидит и что-то хлебает. Лида сидит на лавке, а я зашла за железную печурку, которая стояла возле русской печки, и никак не хочу оттуда выходить, когда отцу уже надо со мною попрощаться. И только когда его увели, я разревелась...

Позже тете Насте жена председателя сельсовета сказала: «Если бы женился Алексей на Фросе, никто бы его не взял».

Нас с Лидой после ареста отца разделили. Лиде уже было 8,5 лет, она годилась в няньки. Ее увезли в Середино, где жили три материних сестры. Ее взяла младшая сестра матери тетя Оля. У нее и стала жить Лида, нянчиться с малыми детьми и помогать по хозяйству. Жила она там, наверное, до 1940 г., когда вернулась из ссылки бабушка Неонилла. После этого Лида жила в разных домах, у разных хозяев. Одно время — у старшей тетки Устиньи. Потом сельсовет определил ее в многодетную семью присматривать за детьми. Там было особенно голодно. Иногда бабушка Неонилла приносила ей что-нибудь поесть. В семье тети Оли такого голода не poznали. Ее дочь Мария незадолго до смерти, когда мы с нею познакомились по телефону, сказала: «Да, траву мы не ели».

Меня забрали в Базой семья сестры отца тети Насти Невротовой и мужа ее дяди Вани. В семье моих родственников было две дочери: Старшая Валя 11-12 лет и годовалая Галя. Мне было 4,5 года. В этой семье я прожила 3,5 года. С нами жил и дедынька наш Николай Емельянович. Я благодарна этой семье за то, что в этот критический для меня момент они взяли к себе. А это было непросто, так как семья жила бедно, как и все колхозники. Это в фильме «Кубанские казаки» колхозники богатые и счастливые, собирают богатый урожай. А в жизни было иначе.

Ведь колхозники работали за «палочки» - трудодни, за которые платили два раза в год — после уборки урожая — аванс, и после годового отчета — окончательный расчет, в основном давали зерно. А колхозники платили еще натуральный налог (мясо, молоко, яйца, шерсть...) и денежный налог. В Базое выручал кедрач: нашишкуют шишки люди, обмолят, орехи в город везут. Продадут — и уплатят денежный налог. Может быть, кое-что останется для семьи: школьникам обувь, одеть... В основном — то одежда и обувь были собственного изготовления: холщовые платья, рубахи, полотенца, обутки из свиной кожи, были еще и лапти,

дедынька был мастер их плести.

Жили голодно. Уезжают взрослые на работу на поля, мы с Галей остаемся домовничать: ни куска хлеба, никакого варева нет. Утром позавтракали все картошкой в мундирах — и до вечера, до возвращения работников с полей. Дедынька ходил «по миру», иногда меня брал с собой. Так что была у меня и сума, и тюрьма (детская комната милиции). Лет в 6-7 меня отдали в няньки: ребенок в пеленках, мать на полях: тогда ведь не было декретных отпусков, как сейчас. Это была первая в моей жизни работа и первый заработок: коленкоровый платок.

И вот над этой очень небогатой, но все-таки относительно мирной жизнью нависла смертельная опасность: война. Мужчин забирали на фронт, семьи оставались без кормильцев. Не знала тогда еще тетя Настя, что дядю Ваню — единственного механизатора — на фронт не возьмут, наложат бронь, оставив для колхозных нужд. У тети Насти было двое детей и она была еще беременна третьим ребенком — в сентябре 1941г. родится сын Витя. Нужно было что-то со мной делать. В детский дом тогда не брали тех, у кого были родственники. Слишком много было в стране сирот. Она попыталась нас с Лидой отвезти в Новосибирск, в детприемник, выдала себя за соседку, а нам наказала не говорить о том, что у нас есть родственники. Я ничего не сказала на допросе. Но моя сестра все рассказала о шести родных тетках и где они живут. Нас и привезли назад в Базой, в сельсовет. В следующий раз меня одну уже повезли в Новосибирск и устраивали в детский дом через детскую комнату милиции, что была на Центральном рынке.

А было это так. Тетя поручила выполнить это нелегкое поручение своей старшей дочери, которой было в ту пору 15 лет. Сама же она была в это время, наверное, на восьмом месяце беременности, носила долгожданного сына. Пришли мы с сестрой на рынок. Она мне говорит: «Посиди вот здесь, на завалинке, а я пойду, куплю что-нибудь тебе и Гале». Ушла. Я жду, жду.. Ее нет. Разревелась. Стал подходить народ.

Кто-то положил монету, кто-то дал огурец. Раз появилось скопление людей возле ревающего ребенка, подошел милиционер. Он взял меня за руку и повел в детскую комнату милиции, что была на рынке, слева от входных ворот. А может быть, это был лишь опорный пункт милиции. Меня посадили за стол, за которым сидела девушка. Она стала расспрашивать, как меня зовут. Я не отвечала на её вопросы. Только ревела и говорила: «К Вале хочу» Она что-то пишет. Я тем временем сделала попытку бежать. Шмыг под стол — и выбежала на улицу, побежала мимо прилавков, на которых видела спелые фрукты. Девушке, видимо, не стоило труда догнать беглянку: взяла за руку и ведет назад. Увидела — продают черемуху, и предлагает мне. Я отказалась и даже подумала: «Нашла чем удивить.. У тети Насти и дяди Вани в огороде растет большой куст черемухи. Рви, сколько хочешь!» А тут продавали уже замученную ягоду.

Вернулись мы за тот же стол. Девушка опять пишет. Я сделала еще одну попытку сбежать. Но на этот раз не удалось. Девушка проявила бдительность — свои ноги протянула под столом. Потом говорит мне:

«Пойдем к твоей Вале. А ты знаешь, где она живет? Я ответила: «Знаю. Третий дом от угла.» Прошли мы с ней через рынок и вышли, видимо, на улицу Серебрянниковскую. Именно на этой улице я в студенческие годы видела «Детскую комнату милиции». Эта комната и была целью нашего путешествия. Зашли мы туда. Там были только мужчины — милиционеры. Мне один дал ломоть хлеба и кружку воды. Я в благодарность отдала ему свои монеты. Он говорит: «Ты же потом их назад попросишь?» Я сказала: «Не попрошу!». И поселили меня в комнатку, где была кровать, слева от входа, за печкой стояло ведро эмалированное с водой, на его крышке — эмалированная кружка. Окно зарешеченное. Дверь за мной закрыли на ключ. Здесь я прожила несколько суток — в камере — одиночке, восьмилетний ребенок. До моего детского ума дошло, что меня бросили. И я решила: «Я им не нужна. Ну и они мне не нужны.» По прошествии нескольких дней, в милиции убедились, что меня никто не ищет, и переправили меня в детприемник, в котором я уже была вместе со своей сестрой Лидой. Может быть, там меня узнали. Стали спрашивать о родственниках, допрашивать. Я молчала, как партизан. Меня наказывали: садили в темный шкаф, ставили в угол на колени на горох. Это больно.

Уже в 90-е годы я прочитала, что это был один из методов пытки в Гулаге.

Я не признавалась в том, что у меня есть родственники. Но на последнем допросе сказала: «Есть, но я не хочу к ним». Возможно, потому, что у меня были выявлены серьезные проблемы со здоровьем, меня отправили в детский дом. Там я оказалась среди равных, да я — самая маленькая. Старшие дети окружили меня вниманием и заботой. Мне было хорошо. И моя душевная рана зажила. О родственниках не думала. Только тосковала о своей родной сестре Лиде.

Родственников я простила, уже в 1945г., когда удалось найти мою сестру — она уже была в том же Базое, у тех же родственников. А в октябре 1945г. состоялась наша встреча с тетей Настей — об этом позже. Для меня семья Невротовых — это единственная семья в моей жизни, которую я помню. Я говорила со священником. Спрашивала, является ли этот поступок родственников грехом? Он ответил: «Конечно, грех. Но хорошо уже, что Вы их простили.» Я уже договорилась с внучкой тети Насти, которую тоже зовут Валей, что она организует заочное отпевание нашим родственникам.

А для меня после детской комнаты милиции и детприемника началась новая жизнь — в детдоме.

Прожила я в детском доме 11 лет, закончила пед. училище в Искитимском детдоме. А позже закончила и педагогический институт.

Когда я была студенткой, меня сестра упрекала: «Ты грамотная, а не пишешь, чтобы узнать об отце». Я ей тогда отвечала: «Зачем он нам нужен, раз он враг народа?» Мы в детдоме росли, уверенные в том, что мы самые счастливые дети на свете, у нас есть Родина - мать и Сталин — отец. Только после XX съезда КПСС (февраль-март 1956г.), на котором Н. С. Хрущёв впервые выступил с докладом о культе личности И. В. Сталина, о массовых

необоснованных репрессиях, и Июньского (1956г.) Пленума ЦК КПСС по этому вопросу, я задумалась о своем отце. Нам, студентам, читали Закрытое письмо ЦК КПСС на комсомольских собраниях. Я была в числе тех, кто в штыки принял это письмо. Почему молчали, пока жив был Сталин, а заговорили после его смерти? Не так-то это было просто — сбросить с пьедестала того, кто был для нас Богом.

Но думать я начала. И итогом моих размышлений стало письмо по адресу: Томск. Областному прокурору. И второе письмо по адресу: Томск. Областному судье. Сначала я задала вопрос: «Какова судьба отца?» Ответа ждала долго, возможно, год. За это время я придумала много версий. То мне чудилось, что он живой, где-нибудь на Колыме, то казалось, что он мог быть завербован иностранной разведкой. И многие другие небылицы придумывались. Но во всех моих фантазиях он был живой. Но вот мне приходит письмо с приглашением в новосибирский «серый дом», наверное, КГБ. Мне показали там свидетельство о смерти отца, в котором написано: «Рыбальчук Алексей Николаевич умер 24/ХІІ-1944г. Возраст 37 лет. Причина смерти — гангрена лёгких.» Дата выдачи 10 сентября 1958г... В этот день я мысленно хоронила отца, пережила все, что переживают в такой момент близкие.

После того, как я отошла немного от этого шока, я написала второе письмо в Томск примерно такого содержания: «Конечно, отца уже не вернешь, но хотелось бы знать, в чем была его вина, за что он был арестован.» Начался пересмотр дела. В Томск вызывали бывших жителей Базоя. Среди них — Сваровский Никифор Степанович, 1902г. рождения. На допросе он дал такие показания об отце: «Колхозник, до коллективизации середняк, не раскулачивался. Антисоветских высказываний я от него не слышал.» На вопрос, был ли пожар в колхозе в мае 1937г., сказал: «Не было». Одно из обвинений отца был поджог колхозного амбара с семенным и фуражным зерном. Об этом я вычитала в следственном деле отца, с которым я знакома в 1993году. При допросе бывшего жителя Базоя Кантаева Феодосия Григорьевича, тот тоже отрицал факт пожара в мае 1937г. В итоге следствия мне и моей сестре высланы справки о реабилитации отца. Вот копия справки:

МЮ РСФСР

Томский областной суд

6 марта 1963/58г.

№ 551

Томск, ул. Розы Люксембург 38. тел. 31-16

Гр.-ке Рыбальчук В.А.

г. Новосибирск ул.Б.Хмельницкого, 3

Справка (о реабилитации)

Дело по обвинению Рыбальчук Алексея Николаевича 1907г. рождения

МИО РСФСР
ТОМСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ СУД

6 марта 19 63/58г.

№ 551

г. Томск
ул. Розы Люксембург, № 38
тел. 31-16

Ф. № 4

Гр-ке РЫБАЛЬЧУК В.А. г.Новосибирск

ул.Б-Хмельницкого М.З

СПРАВКА
/ о реабилитации /

Дело по обвинению РЫБАЛЬЧУК Алексея Николаевича 1907 года рождения

пересмотрено президиумом Томского областного суда 14 ноября 1958 года

Постановление бывшей тройки УНКВД от 12 марта 1938 года
в отношении РЫБАЛЬЧУК Алексея Николаевича

отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

До ареста РЫБАЛЬЧУК А.Н. работал сторожем на лесоучастке
в селе Бибеево Кожевниковского района, Томской области.

Председатель Томского
областного суда

[Handwritten signature]
/СЕРЯБИН/

5519-59

пересмотрено президиумом Томской областного суда 14 ноября 1958г.

Постановление бывшей тройки УНКВД от 12 марта 1938года в отношении Рыбальчук Алексея Николаевича отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

До ареста Рыбальчук А. Н. работал сторожем на лесоучастке в селе Бибеево Кожевниковского района Томской области.

Председатель Томского областного суда Скрыбин.

После реабилитации отца я перестала считаться дочерью «врага народа». Прожила жизнь обычного советского человека, преподавала общественные дисциплины в техникумах: Колыванском с/х. техникуме с 1959 по 1962г., Омском авиационном — с 1963 по 1978г., в Новосибирском кооперативном с 1978 по 1989г. С 1989г. я пенсионерка, но по-прежнему слежу за политической обстановкой в стране и мире. Тяжело пережила вместе со всей страной развал СССР и лихие 90-е годы. В это время много внимания уделялось вопросу о массовых необоснованных репрессиях. Приняты были законы: о признании малолетних детей репрессированных пострадавшими от репрессий, а потом и признании самих этих детей репрессированными. А мне еще нужно было доказать, что я — дочь моего расстрелянного отца, так как в моем свидетельстве о рождении, полученном мною в Колыванском детдоме, записано, что я Рабальчукова, в графе «мать» - прочерк, в графе «отец» - только имя «Алексей», место рождения - «воспитанница Колыванского детского дома».

Из Томской областной прокуратуры мне написали, что нужно подать в суд, на котором с помощью свидетелей я должна доказать свое родство с отцом. Суд состоялся и родство подтверждено.

Для чего это было нужно? Для получения льгот репрессированным. Тогда много нам было обещано. Но жизнь показала, что у государства на это средств не было. Ведь только расстрелянных было 560 тысяч человек. Но это число надо умножить на количество членов семьи, которые еще живы. Это много. Если какие-то льготы этим миллионам дать, тогда откуда взять деньги для «рождения» миллиардеров Березовских, Ходорковских, Лужковых и многих других?

Еще о немногих оставшихся в живых фронтовиках хоть ко Дню Победы вспоминают, а о репрессированных, в основном, помалкивают. И получается, что фактически узаконена оценка этому явлению, данная КПРФ: «Были отдельные ошибки». Два с половиной миллиона пропущено через Гулаг, из них 560 тысяч расстреляно (по данным СМИ) — это ОТДЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ? И только журналисты иногда поднимают этот вопрос, когда всплывают какие-то новые факты. Для меня последняя такая статья Эльвиры Новиковой «Призраки прошлого», опубликованная в газете «Аргументы и факты» N21 от 22 мая 2013г. Я прилагаю здесь всю эту статью. Правда, здесь

Анна Ларина, жена Николая Ивановича Бухарина, любимца партии, по выражению В.И.Ленина, прошла все муки НКВДэшного ада, но выжила. В своих воспоминаниях она пишет о том, что из всех пересыльных тюрем самая страшная была Новосибирская пересыльная тюрьма. Видимо, это была та тюрьма, которой посвящены статьи:

1. Эльвиры Новиковой «Призраки прошлого» // «АиФ» №21 от 22.05.2013
2. Ивана Щетинкина «Души замученных в НКВД обрели покой» // «Аргументы недели» №43 от 6.11.2020

Нынешние руководители города заматают следы преступлений своих предшественников

Об отношении руководства страны к сохранению исторической памяти о трагическом прошлом в истории нашей страны говорит статья Никитина «В Рязанской области почтили память репрессированных» («Аргументы недели» №13 (757), среда, 7.04.2021г. стр.3). Последняя фраза ее гласит:

«Есть и проблемы квазиполитического характера из-за разного отношения к тем событиям».

В этом корень того, что я не могу получить список расстрелянных в д.Середино Колыванского района НСО раскулаченных в мае 1931г (90 лет назад). Это до сих пор закрытая информация.

Мой отец, Рыбальчук Алексей Николаевич, живший в Томской области, арестован по решению Новосибирской тройки НКВД.

Призраки прошлого В подвале тюрьмы найдены кости людей

Правда ли, что на месте снесенного здания бывшей пересыльной тюрьмы в Новосибирске были обнаружены человеческие кости?

**Кристина Емельянова,
Центральный округ**

Эти слухи подтвердились. Стройка остановлена.

Стройка на костях

Стены строго мрачного здания на пересечении улиц Нарымской и 1905 года снесли еще в мае прошлого года. Здесь находился областной психоневрологический диспансер, а до этого (с 1929 по 1951 год) — следственно-пересыльная тюрьма НКВД. Именно тогда по городу поползли слухи, что где-то в подвалах жуткого здания были обнаружены человеческие кости. Что совсем неудивительно: ведь в 30-е годы прошлого века здесь побывали сотни тысяч заключенных, которые потом, если выживали, этапировались в лагеря Сибири. Но частный застройщик вскоре опроверг эти слухи.

Недавно стройку остановил Госстройнадзор Новосибирской области. По словам вице-губернатора Виктора КОЗОДОЯ, работы здесь велись без получения разрешения на строительство. На днях на этом месте были найдены останки людей, они доставлены в областное бюро судебно-медицинской экспертизы.

Между тем именно новосибирское УНКВД сфабриковало рекордное в стране количество дел на никогда не существовавшие антисоветские организации. Об этом стало известно из архивных докладов комиссии ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий в 1956 году. Были арестованы сотни тысяч местных жителей. В 1937 году прошла самая массовая зачистка, под которую попали бывшие офицеры, торговцы, просто зажиточные крестьяне. После ареста более 55 тысяч «врагов советской власти» на улицах Новосибирска стало малолюдно. Местное отделение НКВД рапортовало, что на Куз-

Тысячи арестованных были замучены в этих стенах.

Фото sib.fm

нецком металлургическом заводе вскрыта шпионско-диверсионная организация, которая якобы готовила вывод из строя ТЭЦ, доменного, маргеновского, железнодорожного, прокатного цехов, раскрыты заговоры в системе Госбанка СССР и на многих других предприятиях. В январе 1938 года на совещании руководящего состава НКВД в Москве Новосибирск поставили в пример всем остальным.

ИЗ Рекордное
число дел
сфабриковал
местный НКВД.

Как свидетельствуют документы, в тюрьме применялся конвейер — сразу после ареста человека приводили в кабинет следователя и начинали бить, не давая ни есть, ни спать до тех пор, пока он не признавался во всех грехах и не называл имена других несчастных. Допросы проходили во всех комнатах двух этажей. Применялись изощренные пытки, которые приносили мучительные страдания. Ежедневно десятки заключенных вызывались из камер — будто бы помыться. Они раздевались в предбаннике, а когда входили в «баню»,

их расстреливали. В архивах есть свидетельства, что бывший областной прокурор, который прибыл в УНКВД для проверки дел, был тут же арестован и покончил с собой, выпрыгнув с пятого этажа.

Такое нельзя забывать

И все-таки ложь всплыла — перед Великой Отечественной войной в Новосибирск приехала комиссия, которая выявила, что признания добывались мучительными пытками. Выявлялось все больше и больше полностью сфабрикованных дел. Некоторые арестованные были реабилитированы и вышли на свободу. Но таких были единицы.

Следует открыть архивы МВД, касающиеся заключенных, находившихся в тюрьме, а также проводившихся в ней казни. Алексей МАЗУР, координатор общественной организации «Союз ЖГУТ», считает: «Здание пересыльной тюрьмы нужно было сохранить как памятник страшной, но нашей истории. Люди, в отличие от животных, должны помнить ошибки прошлого и делать выводы, чтобы больше их не повторять. Там погибло много невинных людей. Их обязательно нужно похоронить, выяснить, кто они, и поставить там обелиск жертвам политических репрессий».

Эльвира НОВИКОВА

ДУШИ ЗАМУЧЕННЫХ В НКВД ОБРЕЛИ ПОКОЙ

30 октября в Нарымском сквере Новосибирска традиционно состоялось возложение цветов к «Памятнику жертвам политических репрессий». Он находится недалеко от моста, где в 1930-е годы располагалась тюрьма НКВД. В годы большого террора, по словам историков, за стенами колонии происходили ужасные вещи — количество заключенных росло в геометрической прогрессии. В результате многие погибли от болезни, другие от пуль НКВД. Комиссары не задавались вопросом, как хоронить умерших, многих закапывали на территории тюрьмы.

В 2013 году ветхое сооружение, которое когда-то было тюрьмой, а после, с 1950-х годов, пенитенциарным диспансером, снесли, на его месте появился жилой комплекс, но перед этим экскаваторы достали из земли то, что тщательно тащили спрятать комиссары, — останки заключенных. Сотни костей и элементов одежды увезли на отвалы. За те, что остались, боролся руководитель новосибирского отделения общества «Мемориал» Александр Рудницкий.

Весной 2015 года общественник с решением Железнодорожного объединенного следственного отдела Новосибирска получил в Бюро судебно-медицинской экспертизы останки. Они принадлежали не менее чем 32 погибшим. Специалисты НГУ в ходе экспертизы установили, что захоронения возрастали более 50 лет. Останки кремировали при содействии культурно-исторической программы «Белый тополь», но похоронить в Нарымском сквере не удалось. Администрация города согласилась только установить там памятник.

30 октября 2020 года заложили первый камень.

Несколько лет Александр Рудницкий совместно с руководителем программы «Белый тополь» депутатом горсовета Сергеем Бондаренко искали место для захоронения. В итоге души репрессированных нашли покой на территории крематория «Закаменский».

Изначально объединение «Мемориал» предлагало увековечить останки в черте города: в Нарымском сквере, за Домом Ленина, в Сквере павших в годы гражданской войны, но к единому мнению и договоренности так и не удалось прийти.

Сергей Бондаренко отмечает, что место захоронения доступно для всех,

чьи репрессированные родственники погибли в лагерях, тюрьмах.

«И если все состоится так, как мы рассчитываем, если в этой долгой истории будет поставлена долгожданная точка, то я сочту, что в отношении людей, которые были незаконно репрессированы, погибли в застенках, свою миссию я выполнил», — подытожил Бондаренко.

Объединение «Мемориал» и, в частности, Александр Рудницкий продолжают работу над выбором памятника уже в Нарымском сквере. Вместе с уже установленным объектом новый памятник станет крупнейшим мемориальным комплексом.

Иван ШЕТИНИН

«Аргумента нежел.» и 43 вносился 2020г. апр 12-2

ЛИЧНОСТЬ ПОД ЗАЩИТОЙ

В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЧТИЛИ ПАМЯТЬ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Советник Президента РФ, председатель СПЧ Валерий ФАДЕЕВ провёл в Рязани выездное заседание созданной по инициативе Владимира Путина Межведомственной рабочей группы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий.

ВХОДЕ заседания было отмечено, что в годы террора пострадало более 35 тысяч рязанцев. С Рязанской областью тесно связано имя лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына, бывшего узником ГУЛАГа. В Рязани им был написан «Один день Ивана Денисовича», начаты другие произведения, принесёщие ему мировую известность. В 2019 го-

ду в регионе был открыт Центр им. Солженицына, где несколько залов экспозиции посвящены событиям, связанным с репрессиями 20–30-х годов прошлого века.

«Молодёжь должна знать и про победы нашей страны, и про тяжёлые страницы в её истории. Наша задача – быть народом, который ясный, трезвый, рациональный, но с собственной историей и не боится её, потому что она такая сложная, трагическая и великая», – заявил Фадеев.

На заседании также обсудили вопросы, связанные с законодательным регулированием понятия «место массовых захоронений», созданием музея на терри-

Фото СПЧ / president.sovet.ru

тушными людьми в Рязани, на-до, чтобы государство добавило оставшуюся сумму и в ближай-шее время он был воздвигнут», – заявил глава СПЧ.

Во время встречи с общественниками Рязанской области Валерий Фадеев отметил:

«Здесь есть проблема бюрократического порядка, которые мы пытаемся решить. По России много мест массовых захоронений жертв политических репрессий, до сих пор неясен статус этих захоронений. Где-то они подерживаются в порядке, где-то нет. Есть и проблемы квазиполитического характера из-за разного отношения к тем событиям».

Сергей НИКИТИН

«Средств нет, 1013 (757)
среда, 7 апреля 2021 года емр 3

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Гражданин (ка) Робалаев
Валентина Алексеевна

родился (лась) 27.07.1933 Владимир
селемто тойд тойдто
селемто тойд тойдто
селемто тойд тойдто
селемто тойд тойдто

Место рождения: город, селение
Базагай

район Можесвицковский

область, край Монголия

республика ГДР (Германия)

о чем в книге регистрации актов о рождении
1933 года селемто селемто селемто числа
произведена запись за № 60

РОДИТЕЛИ:

ПУБЛИЧНОЕ

Отец Робалаев
Алексей Николаевич

национальность русский

Мать Робалаева
Евдокия Георгиевна

национальность русская

Место регистрации Багайский улус
Котельниковский р-н
Монголия

селемто 1933 г.

№ 267082

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ
по Томской области

630084 г.Новосибирск,
ул.Новогодняя, д.30, кв.26
Федотовой В.А.

25 мая _____ 1993 г.

№ 10/Ф-3
г. Томск

Уважаемая Валентина Алексеевна!

На Ваше заявление сообщаем, что согласно документам архивно-следственного дела Ваш отец Рыбальчук Алексей Николаевич, 1907 года рождения, уроженец с.Базой Кожевниковского района Томской области, русский, беспартийный, проживал в с.Базой Кожевниковского р-на Новосибирской области, был арестован 11 февраля 1938 года и необоснованно обвинен как "участник контрреволюционной повстанческой монархической организации, подготовлявшей вооруженные восстания против Советской власти" по статье 58-2-8-9-10-11 УК РСФСР.

12 марта 1938 года "тройкой" УНКВД по Новосибирской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 19 марта 1938 года в г.Томске. Во время следствия содержался в Томской тюрьме.

Точное место захоронения установить не представляется возможным за давностью лет и отсутствием каких-либо сведений об этом в архивных документах.

Дело по обвинению Рыбальчук А.Н. пересмотрено 14 ноября 1958 года президиумом Томского областного суда (г.Томск, ул.Р.Луксембург, 38).

В настоящее время в Загс Кожевниковского района направлено ^{извещение} для перерегистрации, где Вы сможете получить свидетельство о смерти Вашего отца.

Примите наши искренние соболезнования в связи с трагической судьбой, постигшей Вашего отца и Вашу семью.

Начальник подразделения

А.В.Анисимов

Прокуратура Российской
Федерации

ПРОКУРАТУРА
ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

634029, г. Томск - 29,

ул. Беллинского, 14

30.03.94. N 13 р-94
На N _____ от _____

ВЫПИСКА

Анкета арестованного
Кожвниковское р/о НКВД

1. Фамилия Рыбальчук.
2. Имя и отчество Алексей Николаевич.
3. Дата рождения 12 марта 1907 года.
4. Место рождения с.Базой Кожвниковского района.
17. Состав семьи: жена Титова Феврония Алексеевна,
дочь Лидия-8 лет иждиванка, дочь Валентина-4 лет
иждиванка, отец Рыбальчук Николай Емельянович.
18 февраля 1938 года.

Выписка верна. Оригинал находится на 5-м листе
архивного уголовного дела №П-2802 в отношении Ры-
бальчука А.Н.

Помощник прокурора области
советник юстиции

А.В. Ермолаев.

речь идет не о Томской тюрьме, в которой расстрелян мой отец, а о Новосибирской, самой страшной из всех пересыльных тюрем, как утверждает Анна Ларина, жена Н.И. Бухарина. А теперь это же подтверждает и статья Эльвиры Новиковой.

В 1993г. я еще раз обращалась в Томскую прокуратуру с просьбой познакомить меня со следственным делом отца, как в фильме «Любовь с привилегиями», и просила сообщить, где, под каким камнем зарыт мой отец. Следственное дело прислали в Новосибирск. Получаю я письмо следующего содержания:

Министерство безопасности Российской Федерации
Новосибирск, ул. Новогодняя, дом 30 кв. 26
Федотовой В.А.

Уважаемая Валентина Алексеевна!

В ответ на Ваше заявление от 19.04.1993г. сообщаем, что архивное следственное дело на Рыбальчук Алексея Николаевича из УМБ по Томской области получено. С материалами дела Вы можете ознакомиться в Управлении Министерства безопасности Российской Федерации по Новосибирской области

(ул.Коммунистическая, 49). Предварительно Вам необходимо позвонить по телефону 902-233 Ашанину Николаю Васильевичу.

Зам.начальника подразделения М.Л.Лукашевич.

В назначенный час я поехала по указанному адресу, предварительно выпив сильную успокаивающую таблетку. Я не хотела, чтобы в этом заведении видели мои слезы. В итоге я удивила своим спокойствием Николая Васильевича. Моего спокойствия хватило на несколько часов пребывания в кабинете, пока я читала следственное дело отца и делала некоторые выписки. Копировать не разрешили. Поэтому из своих записей я ничего здесь не использую.

Я выписала номер моего свидетельства о рождении, по которому я получила своё настоящее свидетельство. Там нет прочерков, а есть данные о матери и отце, о месте рождения — д. Базой, Кожевниковского района Томской области.

В деле описываются два допроса — от 18.02 и 21.02. И в первом и во втором случае сначала отец не признает себя виновным, а после нескольких пропущенных чистых строк — признает себя виновным. Хотя в деле подчеркивается, что обвиняемый малограмотный, но он «ругал вождей», хвалил Бухарина, Троцкого.. Сомневаюсь, что он когда-нибудь слышал эти имена. Для большей ясности прилагаю письмо из Томска. Здесь написано все, что нужно, и что можно.

12 марта 1938г., в день рождения отца, когда ему исполнился 31 год, ему был объявлен приговор — расстрел. Через неделю, 19 марта 1938г., приговор был приведен в исполнение...

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

ЭК № 067540

Гр. Алексей Николаевич
(фамилия, имя, отчество)
 умер(ла) 24/хй - 1944 года июня девятой
(число, месяц и год)
сап саар четвертого года
(цифрами и прописью)
 возраст 27 лет
(цифрами, год, месяц и число)

Причина смерти гангрена желудка
 о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти
 1958 года августа месяца 21 числа

произведена соответствующая запись за № 24
 Место смерти: город, селение _____

район _____ область, край _____

республика _____

Место регистрации Константиновский
(наименование)

района Дюшеской обл.
(наименование)

Дата выдачи 10 сентября 1958 г.
(число, месяц, год)

Заседующий бюро записей актов гражданского состояния Асманов

Ленинград, 1954

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Робертovich
(фамилия)
Алексей Николаевич

умер(ла) 19.03.1988г. Февраль девятого
(число, месяц, год)

того марта девятого
(цифрами и прописью)

в возрасте 31 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти

19 58 года августа месяца 21 числа

произведена запись за № 124

Причина смерти Раострел

Место смерти: город, селение М. Дюссей

район _____

область, край _____

республика Буря

Место регистрации Улан-Удэнский район
(наименование)

М. Дюссей
(наименование)

Дата выдачи 8 июня 1983 г.
(число, месяц, год)

Заседующий отделом (бюро) записей актов гражданского состояния Б. Г. Г. Г.

ГОМ № 444087

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Федотова Валентина Алексеевна

(фамилия, имя, отчество)

родившийся(ая), 1933 года рождения, уроженка с. Васей Кожвин-
Ковского района Томской области

(дата и место рождения заявителя)

по заключению прокуратуры Томской области

от 12 июля 1994 года на основании ст. 2-1 Закона Российской

(дата)

Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" признан(а)
пострадавшим(ей) от политических репрессий.

В соответствии со ст. 1-1 указанного Закона и определением Конституци-
онного Суда Российской Федерации от 18.04.2000г. N 103-0

Федотова Валентина Алексеевна

(фамилия, имя, отчество заявителя)

как оставшийся(ая) в несовершеннолетнем возрасте без попечения
отца необоснованно репрессированного(ой) по политическим
(отца, матери)

мотивам, признан(а) подвергшимся(ейся) политической репрессии и
реабилитирован(а).

Прокурор Томской
Государственный
институт 3 класса

В.К. Сукопляев

1941
1.12.01

Для меня было шоком, что отец был расстрелян. Ведь у меня на руках было свидетельство о смерти, в котором написано, что отец умер от гангрены легких 24.12 — 1944... Не напрасно я выпила успокаивающую таблетку. Она позволила мне хладнокровно познакомиться со следственным делом. Но вот дело закончено, я вышла из кабинета, а потом и из здания. Только переступила порог и оказалась на улице, у меня началась истерика. Я шла по улице и рыдала. Ноги сами понесли меня через Красный проспект, к храму Александра Невского. Я обратилась к женщине, которая продает церковные принадлежности и принимает записки, с вопросом — что нужно делать, чтобы помянуть покойного? Мне показалось, что она равнодушно дала мне ответ, как продавцы в магазине. И здесь я не нашла успокоения. Вышла из Храма, шла по Красному проспекту до пл. Ленина и рыдала, не замечая прохожих. Только несколько лет назад я нашла объяснение тому, что у меня два свидетельства о смерти отца. В соседней церкви я прочитала и переписала документ:

24.08.1955г. КГБ при Совмине СССР направил в региональные управления КГБ указания N 108сс:

«На запросы о судьбе граждан, осужденных за контрреволюционную деятельность и приговоренных к в.м.н. (высшей мере наказания) сообщать устно, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения (от воспаления легких, инсульта или какой-либо другой болезни).

Вот почему у меня два свидетельства о смерти отца: одно выдано в эпоху Хрущёвской «оттепели», а другое — в эпоху гласности в 90-е годы.

Летом 2012г.я попросила моих племянников свозить меня в Базой на могилу матери, купила краску, чтобы заново покрасить памятник и оградку. Но старый памятник имел такой убогий вид, что я решила поставить новый памятник и новую оградку. 2 сентября 2012г. Был поставлен новый памятник на двоих: матери и отцу. А крест деду я справила 3 годами ранее. Всем троим заказала заочное отпевание в церкви. А под фотографией отца выгравированы слова: «Расстрелян в Томске, посмертно реабилитирован 14 ноября 1958г.»

Памятник поставлен 2. 09. 2012г. Мне 79 лет.

Памятник мамыньке и тятеньке, здесь не схороненному. Его могила не известна. Он зарыт в каком-нибудь общем рве, куда сбросили, как дрова, все расстрелянных в тот день. Здесь поставлен памятный крест моему дедыньк который был для меня кормящей матерью.

Невротова Надежда Степановна - вдова Невротова Виктора Ивановича,
Рыбальчук-Федотова Валентина Алексеевна,
Невротова-Ключанцева Валентина Викторовна.

Родственники возили меня в Базой, чтобы посетить кладбище: могилы моей матери, дедыньки, тети Насти, дяди Вани, Вити и других родственников. Кладбище за нашими спинами в кедраче.

Колыванский детдом №4
март 1947г.

1 ряд: Рабальчукова В., Булатова Э., Горина Л., Шаройко А., Курсина Л.,
Левиценко А., Тарабрина.

Слева: Сигаев Ф., Вильгельм Я., Кузнецова А., брат с сестрой Клава и Митя
Железновы.

2 ряд, слева: Немцова Н., Пупенко Т., Кузнецова Т., Михасенко Р. (приехала из
Вьюнов, выступила с акробатическим этюдом и «заразила» всех девочек этим
занятием, это надолго стало нашим хобби), Шупашина Н., Зинаида
Антоновна, Ефаева Ф., Маруся, Леонтьева Н., Щербакова В., Максимов Т.,
Блинов А., Назаров В.

3 ряд: слева Иванова, Вильгельм С., Денисова Стюра — бывшая
воспитанница, а в тот момент — работница кухни; далее педагоги Егошина
Галина Ивановна, Раиса Федоровна — пионервожатая, Анна Степановна —
директор, Екатерина Карповна — завуч, Серафима Ивановна и Клавдия
Ивановна — воспитатели.

В 4 ряду я узнала: Ивлеву П., Иволину В., Циммингулову М., Вильгельм П

Глава 3

Колыванский детдом — начало моей новой жизни.

В Колыванский детдом меня привезли, наверное, в августе 1941г., в это время на прилавках Центрального рынка города Новосибирска было много спелых овощей и фруктов.

В детдоме всё для меня было в диковинку: у каждого отдельная кровать с постельными принадлежностями. Ко мне, как самой маленькой, девочки проявляли много внимания, занимали очередь, кто сегодня со мной будет спать. Меня носили на горбушке, или вдвоём, как раненых носят, скрестив между собой руки — делали для меня сидение, а при необходимости быстро бежать брали меня — одна под одну руку, другая- под другую. Теперь я это расцениваю так: дети тосковали о своих семьях, в которых старшие заботятся о младших. Шили мне куклы и одежду для них. Нашли где-то для куклы кроватку, возможно, сделанную из проволоки. В моей тумбочке одна полка была комнатой куклы, где были и кровать и стол. А когда я училась в 3-м классе, у нас была учительница-москвичка эвакуированная Любовь Алексеевна, она подарила мне красивый батистовый носовой платочек. Он стал покрывалом для кровати моей куклы.

У воспитателей и учителей проблем со мной не было, училась я хорошо, не вредничала, не воровала, не была доносчицей, фискалов у нас терпеть не могли: их били и крепко. У них было два выхода: исправиться, перестать доносить или сбежать из детдома. Так и было. Я чувствовала себя комфортно. Очень любила читать. И скоро оказалось, что я перечитала уже все книжки для моего возраста. Мы росли на русских народных сказках, сказках Пушкина, арабских сказках. Наверное, в 1937г., к 100-летию гибели А.С.Пушкина, вышло в свет юбилейное издание собрания сочинений великого поэта. Шикарное издание, текст напечатан крупным шрифтом. Я его читала уже классе во 2-м. Помню, что старшие девочки (именно девочки) поставили спектакль по поэме Пушкина «Цыганы». Даже Олеко играла девочка.

Была у нас воспитательница Ситникова Серафима Ивановна, большой любитель книги. Она ходила в районную библиотеку, набирала для нас книги, которых не было в детдоме. Молоденькую воспитательницу даже мы, малышня, звали просто Марусей. Она в своё дежурство читала нам книгу «Гаррибальди». Да, нам, малышне, читала эту серьёзную книгу, а мы, как мухи, облепляли её со всех сторон: кто слушал её, лёжа на столе, за которым она сидела, кто устраивался полулёжа, полусидя вокруг первого «слоя», последние — стоя за вторым «слоем» с вытянутыми вперед шеями, чтобы не пропустить ни одного звука.

С этой Марусей связана ещё одна история. Шла война, и мы, малышня, тоже следили за её ходом. Мы ещё не изучали географию. Но карту европейской части СССР мы знали. Мы следили за ходом боевых событий и флажками с тесёмкой отмечали, какие города освобождены и как сегодня

проходит линия фронта. Особенно отчётливо помню день 6 ноября 1943г., когда наши войска освободили Киев. Мы узнали об этом вечером из сообщения по радио. Мы не знали, как выразить восторг — и начали акробатничать. Это была первая в моей жизни попытка сделать мостик через стойку, правда, неудачная. На карте мы видели, что Киев недалеко от границы. Решили, что скоро война окончится. Но до конца войны еще было 1,5 года. До нас дошла весть, что война закончится, когда наши возьмут Берлин.

Мы не только следили за фронтовыми событиями, но и старались, по возможности, помочь фронту. В газетах находили фамилии красноармейцев, номера их полевой почты и писали им письма. Писали от имени одной из девочек. И вот красноармеец запросил фотографию той, с которой он переписывался. И мы на своём малышинском совете решили, что нужно отправить фотографию нашей воспитательницы Маруси. Она согласилась. Как продолжалась их переписка, не помню. Знаю только, что Маруся долго не прожила, умерла от скоротечной чахотки.

Наверное, нам давали из кастаньянной какие-то куски ткани, мы шили кисеты, вышивали, заполняли их табаком, выращенным в нашем огороде. Вязали носки, рукавицы. Нам давали шерсть, мы её пряли, вязали, складывали в посылки. Ведь кто-то нам это подсказывал делать и учил, не сами же мы додумались до этого. Но это было так незаметно, что я и не скажу сейчас, кто конкретно нас этому учил. Наверное, это было не без ведома директора детдома Федотовой Анны Степановны, а до неё директором была Юлия Михайловна, эвакуированная из-под Полтавы украинка. Она и жила в небольшом доме на территории детдома.

Она особенно запомнилась мне своим педагогическим приёмом по отношению ко мне. К нам перевели девочку из белорусского детдома (в Колывани это — был детдом №6). Их тоже вывозили под бомбёжками. И шёл такой «пятьсот весёлый» товарный поезд с эвакуированными по несколько месяцев. И по дороге им не подавали завтрак, обед и ужин. Они жили, как могли, были на самообеспечении. Не буду называть фамилию этой девочки, хотя хорошо помню. Она удивилась нашей безынициативности, тому, что рядом огород, в котором выросла хорошая морковь, а мы ею не воспользовались. И стала каждое утро, когда было ещё темно, спускаться со 2 этажа через окно — и в огород. Нарвёт моркови с ведро, будит нас и говорит: «Ешьте, дармоеды». Потом забастовала, говорит: «Почему едят все, а добываю я одна?» И стали ходить на добычу по очереди. Настала моя очередь. Я была самая маленькая, только что пошла во 2 класс, да и для 2 класса ростом слишком мала. Поэтому меня решили отправить на «добычу» днём. Я от страха даже не заметила, что в огороде Юлия Михайловна с мальчишками. Может быть, их она привела в огород тоже с педагогической целью. Скорее всего на них пало её подозрение в том, что убывает урожай на грядке. Наверное, она была внимательна и заметила меня через кусты акации. Отправила ко мне мальчика. Он подкрался сзади, схватил меня за шиворот, говорит: «Отдай капусту!». Я говорю: «Сам сорви». Он: «Отдай, Юлия

Михайловна велела». Отдала. Подняли меня через окно, и забралась я под кровать. А кровати заправлялись «конвертом». Так, что видно всё, как на ладони. Заходит Юлия Михайловна, зовет всех перебирать привезённую с поля картошку. Делает вид, что меня не заметила. Все ушли. А я сижу под кроватью и думаю: «Я провинилась, что украла капусту, и теперь ещё провинюсь, что не пошла работать.» Вылезла из-под кровати, подошла ко всем и потихоньку стала работать. Юлия Михайловна заметила меня, подошла, села рядом и тоже перебирает картошку. Нет-нет, да и оглянется и говорит: «Что-то милиционер долго не идет. Я позвонила, чтобы он забрал тебя». Посидит, поработает, и опять про милиционера вспоминает. А я думаю: «Неужели ей не жалко отдавать меня милиционеру?». Милиционер не пришёл. Никакого другого наказания мне не было. Это был первый и последний случай моей кражи. Так Юлия Михайловна на корню пресекала этот порок — воровство.

Когда я стала постарше, была активной пионеркой, участвовала в поддержании порядка в детдоме, дежурила, когда приходила моя очередь, на «вышке», в ограде, с которой можно было следить за огородом, за территорией детдома. Вообще-то со стороны сельских ребят не было угрозы детдому. Они даже боялись проходить возле нашей ограды, наши мальчишки не могли допустить, чтобы сельские ребята обидели кого-то из детдомовских, хотя сами между собой дрались, вплоть до поножовщины (это было только в первое время, пока больших ребят — ещё из беспризорников 30-х годов — не развезли из детдома в колхоз, в фабрично - заводские училища, в трудколонию...). А были случаи, когда прямо из детдома отправляли на фронт. Был у нас в недавнем прошлом воспитанник, а при мне он был воспитателем, Александр Боб. Его взяли на фронт, скоро на него пришла похоронка. Помню, как приезжал в детдом бывший воспитанник — Герой Советского Союза Ваня Котельников.

Видимо, после совершенного подвига ему дали отпуск — съездить домой. Кроме детдома, у него, наверное, другого дома не было. После отпуска он снова вернулся на фронт. Через некоторое время на него пришла похоронка.

Помню и такой яркий эпизод — приезд в Колывань с фронта в отпуск Гали Гололобовой. Она была секретарём Колыванского РК ВЛКСМ, Но ещё до войны её перевели на работу в обком ВЛКСМ. Оттуда она в составе Сибирской добровольческой дивизии ушла на фронт. И уже прославилась на всю страну. В детдом она не приходила. Но, мы со всеми колыванцами в душе приветствовали нашу героиню. С тех пор я всегда следила за её судьбой. Её двоюродная сестра Людмила Петровна Ярукова (в ту пору Щеглова) была моей воспитательницей. И с тех пор наши жизни не раз пересекались, в предпенсионный период мы вместе работали в Новосибирском кооперативном техникуме. Под её руководством был написан реферат на Всесоюзный конкурс под названием «Галя-Сибирячка». А я проводила в техникуме встречу с героиней реферата.

Между этими яркими событиями жизнь в детдоме шла своим чередом.

Главное занятие наше во время учебного года - учёба. Война накладывала отпечаток на всю нашу жизнь. Тетради делали из старых газет. Чернила — из сажи, разведенной водой. Вместо ручек — палочки, к которым нитками приматывали перо. Зимой чернила в чернильницах замерзали. Замерзали и мы. На занятиях сидели в пальто. Ноги прятали в шапки — и под себя. Но и в этих условиях учителя давали нам знания, и, как жизнь показала, неплохие.

В 3-м классе нас учила москвичка Любовь Алексеевна. На одном из уроков она показала нам репродукцию картины Пукирева «Неравный брак». Её рассказ так врезался в мою память, что сохранился на всю жизнь и положил начало моему интересу к живописи. Когда я после окончания института первый раз была в Москве, то в первую очередь пошла в Третьяковскую галерею. Во время знакомства с картинами я остановилась у знакомой мне картины Пукирева. Подошли к ней поляки, а их экскурсовод отлучилась. Картина их очень заинтересовала. И я стала им рассказывать по памяти, что я запомнила из рассказа своей учительницы. А переводчик переводила мой рассказ.

Ещё о холоде. Холодно было не только в школе, но и в детдоме. Наверное, это было в первую военную зиму, когда мужчин всех взяли на фронт, а женщины ещё не научились выполнять мужскую работу. Наступил такой момент, когда в детдоме не было ни полена дров: ни для кухни, чтобы сварить нам завтрак, ни для корпусов. Утром собрали старших ребят, запряглись они в санки и пошли за реку за хворостом. А малыши остались дома. Мы в пальто и валенках забрались под одеяла, но всё равно околевали. Долго ждали посланцев, но вот наконец они вернулись с хворостом, а двух или трёх девочек привезли на санках, они были в обморочном состоянии. Затопили печи в корпусах, приготовили на кухне обед — и мы ожили. Питание не было избыточным, всё-таки три раза в день нас приглашали в столовую, была горячая пища: картошка в мундирах, капуста тушеная, каша тыквенная, калина пареная.

Знали мы и вкус консервов из красной рыбы, сыр, пахту, масло. По праздникам были пельмени, сдобные булочки. Каждый день давали рыбий жир. Мы тогда мечтали: вот когда наступит такой день, когда хлеба будет вволю, это уже будет рай, больше и мечтать не о чем.

Помню, был такой случай. Первая смена поужинала. Спрашиваем: «По сколько мундирок?». «По четыре», - отвечают. А мы приходим в столовую — у нас по две. Мы подняли бунт, стучим алюминиевыми чашками по столам. Прибежали повара, говорят: «Всем клали по четыре!» Стали искать. Нашли. Это дежурные по столовой собрали картошку на поднос и спрятали на буфет. Картошку нам раздали. А мы решили дежурных наказать. Договорились с воспитательницей Анастасией Фёдоровной, эвакуированной с Украины, хватившей лиха, что мы устроим дежурным «тёмку», пусть она нам не мешает. Вышли мы толпой в тёмный коридор. Когда дежурные возвращались, девочку пропустили, а на мальчишку Ирма Молина (за высокий рост мы её звали «мужичок») набросила на голову пальто и зажала ее под мышку. Все начали его колотить, кто как мог, в основном, конечно,

кулаками, а такая «мелочь», как я, просто щипали за ноги. Он кричал больше от страха, чем от боли. Через какое-то время Анастасия Фёдоровна «спасла» его от нашего гнева, но в спальне мальчишки ещё ему добавили.

Подобного больше не повторялось. Проучили.

Надо сказать, что за 11 лет моей жизни в детдоме, сначала Колыванском, а потом Искитимском, у нас никто не умер ни от голода, ни от болезней. С нами работали, в основном, добрые женщины, которые старались облегчить нашу жизнь по мере возможности.

Если в летнюю пору сегодня мы не идём ни на какие поля, свои или колхозные, значит, они ведут нас в лес на прогулку. Они научили нас находить «пищевые добавки», съедобные растения. Мы каждый для себя по большой охалке набирали лук на заливных лугах за рекой Чаус. На берегу реки рвали камыш, на полях — саранки, пучки, слизун, клевер- «кашку», помногу каждый из нас намолачивали семян конопли, ни о каких наркотиках мы тогда не знали. И, конечно, ходили за ягодами: за земляникой, за клубникой, черёмухой, бояркой. А когда поспевала брусника в бору, нас на лодках везли вверх по реке Чаус, в бор. Там останавливались на ночлег в доме лесника. Набираем ягоды — и наполняем бочки, что стоят в лодках. Заготавливали калину, клубнику. А когда мы работали на покосе, то встречали смородину и ели её вволю. Так что витамины мы получали, хоть и не знали вкуса яблок и других фруктов. Конечно, вволю мы не могли есть морковь, огурцы.. Ведь огород когда-то был рассчитан на купеческую семью. А теперь здесь был детдом. Семейный огород не мог накормить сотню едоков. Но всё-таки я выросла побольше ростом, чем моя родная сестра и двоюродные сёстры, жившие в деревне.

Я хочу сказать большое спасибо всем, кто заботился о нас. Особенно мне запомнился случай. В 4-м классе я заболела желтухой, меня положили в больницу. Мне три раза в день приносили из детдома приготовленную специально для меня диетическую пищу. Наверное, главную роль в этом играла медсестра Евдокия Алексеевна Краснова - Федотова. А готовила, наверное, тетя Мотя, наша повар. Я пролежала в больнице три недели. Когда меня выписали из больницы и привезли в детдом, завуч Берта Борисовна, тоже эвакуированная, всплеснула руками и изумилась: «Как это больного ребенка выписали? Ребёнок распух, а его выписали.» Посадила меня на колени и стала выяснять, что у меня болит. Спрашивает: «Зубы болят?» - «Нет». - «А что болит?» - «Ничего не болит». Оказывается, я просто располнела. Платье я в больнице не снимала, а теперь не удалось снять. Пришлось распарывать швы.

Разве могла колхозница — мать так позаботиться о своём ребёнке? Из рассказов моих родственников, живших в деревне, знаю, какой жестокий голод они испытывали.

Наши воспитатели заботились о том, чтобы мы были заняты полезным делом. Вот поставили задачу: из 1 кг. картошки вырастить урожай в 100 килограммов. Разрезали картошку на «глазки», каждый «глазок» садили в бумажный мешочек. Когда вырастет большой росток, его срезали и садили в

новый мешочек. Не знаю, какой в итоге урожай мы получали с 1 килограмма. Но главное — у нас была цель, мы к ней стремились, мы были заняты полезным делом. У нас было своё поле, на котором мы выращивали картофель. Был капустный огород рядом с деревней Подгорной через дорогу от питомника. Рассадку выращивали сотрудники, а садили, поливали, ухаживали мы. После того, как рассадку высадим, поливаем два раза в день: утром нас поднимали часов в 5 (ведь огород не рядом) и вечером.

Однажды возвращаемся вечером с капустного огорода, смотрим (уже в Колывани, на горе) — горит костёр. Подходим и видим, что это пленные немцы готовят себе ужин. Их «каторга» в плену заключалась в том, что они собирали на лугу лук, солили в бочках, заготавливали себе витамины впрок. Их лагерь за колючей проволокой был неподалёку. А сейчас они сидели у костра на неогороженной территории и охранял их один красноармеец с винтовкой. Мы подошли к ним, заговорили. Они охотно стали разговаривать с нами. Немцы уже вполне сносно говорили по-русски. Сказали, что они — не фашисты, они- рабочие. Их заставили воевать против русских. Говорят: «А вот этот рыжий — фашист, он помещик.» Тот к нам не повернулся и не проронил ни слова. Наши собеседники сказали, что к ним у нас хорошо относятся, а вот нашим у них в плену очень плохо.

Так встретились мы с настоящими немцами, и они показались нам нормальными людьми, и никакой ненависти к ним у нас не появилось.

Хорошо помню День Победы 9 мая 1945 года. Мы уже выспались, а нас никто не поднимает. Лежали, лежали.. надоело. Встали. Выходим на улицу. Смотрим — мимо идут люди: кто плачет, кто радуется. До нас доходит весть: «Война закончилась. Победа!» Не знаю, чего было больше — слёз, рыданий или радости, счастья. Наверное, слёз было больше. Рыдали те, кто знал, что хоть война и закончена, но они своих близких не дождутся, они погибли. Среди таких была и наша повар тётя Мотя. Она в этот день так же выла, как и в день получения похоронки на мужа.

Пришли наши воспитатели. Нас всех повели в кастаню, переодели в праздничные платья, и мы пошли в центр Колывани на митинг, посвященный Дню Победы. В нашей группе в этот день работала воспитательница Клавдия Ивановна, очень добрая женщина. У неё была дочка Галя. Воспитательница относилась к нам по-матерински. Водила нас к себе домой, запускала в свой огород. А в этот день она принесла из дома патефон, пластинки. Устроились мы на лужайке. Слушали. Радовались. День разгулялся. Яркое солнце, погода летняя. И мы все счастливые.

Самым главным событием в моей личной жизни в Колыванском детдоме было установление связи с моей родной сестрой Лидой. Мы были разлучены с ней после ареста отца. Он был арестован 11 февраля 1938г. И, как теперь мне известно, расстрелян 19 марта 1938г. Мачеха сразу от нас отказалась. Нас разделили. Лиду отвезли в Середино, где жили три материнных сестры, а меня — в Базой, к отцовой сестре. Как только я оказалась в детдоме, я попыталась найти свою сестру, просила воспитателей, чтобы помогли мне в этом. Не

РСФСР

Народный Комиссариат Просвещения

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО Рабамы-
ковой Валентине (Фамилия), РОДИВШЕ В 19... ГОДУ,
(имя и отчество)
 В ТОМ, ЧТО ОНА ОБУЧАЛАСЬ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ
С. Колывань Н.С.П. Колыванского района
(село, город)
(район и краи-области-АССР) ОКОНЧИЛА ПОЛНЫЙ
 КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛА ПРИ
 ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

- ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ Пять
- ПО АРИФМЕТИКЕ Пять
- ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ Пять
- ПО ИСТОРИИ Пять
- ПО ГЕОГРАФИИ Пять
- ПО ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ Пять
- ПО РИСОВАНИЮ Пять
- ПО ПЕНИЮ Пять

„20“ июня 1946 года

№ 1

ЗАВЕДУЮЩИЙ ШКОЛОЙ В. Зинаидина

УЧИТЕЛЬ Т. А. Блотова

РСФСР

КОМИТЕТ

НАРОДНЫЙ

ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Выдана ученицу 4-го класса 5 школы
Н. С. Козловской район. С. Козлов
Рабальгуновой (сель. школа в краев. области) Квалентине

ЗА ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

С. Козлов

директор школы

20-го июня 1945 г.

№ 1

М П

Директор школы

Н. А. Троица

Учитель

знала я тогда, что можно искать, если знаешь фамилию, имя, отчество, дату рождения. Никаких точных данных ни о сестре, ни о себе я не имела. Поэтому поиски были безрезультатны. Помогла случайность. Когда я заканчивала 4 класс, нас двоих — четвероклассников детдомовской школы присоединили к 4 классу Колыванской школы для сдачи государственных экзаменов. Одна девочка колыванская дома заговорила обо мне, говорит: «Детдомовская девочка Валя Рабальчукова всё сдаёт на отлично». У них на квартире жила девушка по имени Октябрина, которая до того жила в Середино у тётки Оли, у которой жила моя сестра. Услышав знакомую фамилию, она спросила, нет ли у меня сестры. Я ответила, что сестра у меня есть, но я не знаю, где она.

Экзамены закончились. Мы все таскаем дрова с баржи от реки Чаус в детдом. Вдруг меня спрашивает девушка. Наверное, когда она меня увидела, у неё уже не было никаких сомнений, что я и есть сестра Лиды, которую она хорошо знала. Она дала мне адрес сестры. Оказывается, мы жили в одном районе: я в Колывани, а сестра в Колыванском районе в Середино. Я написала туда письмо, долго ждала ответ, не дождалась. Уже в старости узнала, что две тётушки отказались выкупить моё доплатное письмо, третья выкупила, но и она не ответила. Я в Колыванском детдоме прожила ещё 3 года. Но никто из Серединских родственников так и не навестил меня.

Только когда Николай Перышкин, двоюродный брат, сын старшей сестры матери Устиньи, демобилизовался (тоже фронтовик), устроился в Колывани киномехаником в Доме Культуры, пришёл в детдом, пригласил в кино. От него я узнала, что мою мать звали Евдокией. Я всегда вспоминаю его за это с благодарностью.

Не дождавшись ответа из Середино, я подумала, что в праздники из Середино в Базой пешком приходили. Значит, это недалеко. И, может быть, можно написать такой же адрес, только деревня другая. Я и написала: НСО, Колыванский район, с.Базой. И моё письмо дошло. 30 августа 1945 года я получила из Базоя письмо от тётки Насти Невротовой, у которой я жила до 1941г., до того, как меня отвезли в Новосибирск. Моя сестра уже жила там и работала подпаском, пасла овец. А 10 октября 1945 года тётка Настя с другими базойскими женщинами пришла в Колывань. Они шли пешком и везли на тележках орехи, чтобы продать их в городе и уплатить денежный налог. Сегодня, когда проведена асфальтированная дорога, это 120 км. Тогда это было значительно больше. На пути были и водные преграды и железная дорога. В детдом сама тётка Настя не пошла, а послала тётку Арину, сестру мачехи Февроньи. Та пришла и попросила разрешение взять меня на свидание с тёткой. Меня повели в кастаню, одели на меня праздничное шерстяное зелёное платье с кремовым шёлковым воротником. Мы с тёткой Настей сразу узнали друг друга, обнялись и заревели. Плакали и все остальные женщины. Тётка Настя дала мне гостинцы и 30 рублей денег, чтобы я сфотографировалась. Это первая в моей жизни фотография. Она, конечно, очень некачественная, но мне она очень дорога.

Так восстановлена была связь с моими родственниками из Базоя и с моей

Наши родители. Мать была беременна мной. В эту пору у них отняли дом, хозяйство за неуплату единого налога.

26 марта 1946г.
Лида

10 октября 1945 г.
Встреча с тетей Настей
в Кольвани. Она дала
30 рублей, чтобы я
сфотографировалась. В
итоге - первая в моей
жизни фотография.

9 июня 1946г. первая встреча сестёр.
11 июня фотографировались.

Эта маленькая фотография была первая, которую прислал мне Саша. На обороте её написано: „Валя, взгляни и вспомни своего отца. Я похож на него.“
16.08.1946г. Германия А.Михайлов.

Когда матери стало известно, что я нашлась, Саше об этом написали. И он мне присылает первое письмо, за ним и много других и всегда несколько красивых немецких открыток. Я стала в детдоме самой богатой: у меня нашлись сестра и брат, и у меня много открыток, которые я раздарила, когда уезжала в Искитимский детдом.

В Искитим приехал и Саша с женой Надей, когда после демобилизации закончил курсы мастеров маслозавода.

И снова у меня был праздник: ко мне в детдом приехал брат с гостинцами: пряниками и конфетами. А когда я к ним пришла, он предложил мне перейти к ним жить. Но я решила, что разумнее будет закончить педучилище в детдоме.

сестрой. Поздней осенью тётя Настя Лиду отвезла в Новосибирск к родственникам Худышкиным, дяде Стёпе и тёте Лиде. Дядя Стёпа был двоюродным братом нашего отца и был моим крёстным. После того, как мою сестру привели в этой семье в порядок, одели, устроили её в домработницы. Много лиха онахватила в дополнение к тому лиху, которое она пережила в Середино, переходя из дома в дом.

О том, что я нашлась, узнали и две другие сестры отца, тётя Парасковья, жившая в д. Батурино (в 18-20 километров от Базоя) и тётя Тоня (в Новосибирске). У тётки Парасковьи через фронт прошли и вернулись живыми муж, дядя Иосиф и старшие сыновья Александр и Михаил.

Мне вдруг приходит письмо из Германии от Александра Михайлова. Он написал, что он мой брат, вложил в письмо свою фотографию и пишет: «Смотри на меня, я очень похож на твоего отца.» И в каждом письме были красивые немецкие открытки. Я была в детдоме самой богатой и счастливой: у меня нашлись сестра и брат и было много очень красивых открыток. Не знала я тогда, не писал мне об этом Саша, что он был награжден тремя Орденами Славы, что приравнивалось к званию Героя Советского Союза. Первая встреча с Сашей произошла у нас в июне 1947г., когда мы встретились с Лидой во второй раз и она на следующий же день повезла меня к Саше. И в дальнейшем, в течение всей остальной жизни Саши (он умер в 1965г.), мы поддерживали отношения. Когда я жила уже в Искитимском детдоме (с 1948г.) туда же был направлен на работу Саша. Он приходил ко мне с гостинцами и пригласил к себе, и предложил перейти к нему жить. Но я видела, что им самим с женой Надей живётся трудно. Решила, что благоразумнее будет закончить педучилище в детдоме. Но в гостях у него я бывала и в Искитиме, и в Улыбино, куда он был направлен работать мастером маслозавода. Однажды я привела к нему целую ватагу своих подруг, с которыми мы две недели работали на уборочной в Бурмистрово. Мы не стали ждать, когда нам дадут машину для отправки в Искитим, пошли пешком и зашли в Улыбино. Не соображала я тогда, что создам для них проблему: накормить около десятка человек, неожиданных гостей. Выручили молоко, сметана и творог.

Говоря о Колыванском детдоме, я не могу ничего не сказать о тётке Марусе Корчуновой. Она работала у нас нянечкой. У них с дядей Петей не было своих детей. Она всё время звала меня дочкой. Приглашала к себе домой, оставляла ночевать в своём доме, когда сама дежурила ночью в детдоме. Жила она очень бедно, у неё даже на драмики не было картошки. И вот, когда я нашла свою сестру Лиду, она решила организовать нашу встречу. Говорит: « Попроси разрешения у Анны Степановны, чтобы я свозила тебя в Новосибирск». Пошла я к директору детдома Анне Степановне. А она говорит: «Не знаю, как это сделать. У нас и денег нет развозить по родственникам». Я отвечаю: «Меня тётя Маруся на свои свозит». Потом сама тётя Маруся к ней подошла. Договорились. Меня отпустили.

И вот мы вышли на тракт, сели на попутную грузовую машину, доехали, наверное, до Чика. Сели на пригородный поезд. Мне тётя Маруся

говорит: «Если пойдёт ревизор, спрячешься под лавку.» Я ответила согласием, а сама заранее мучаюсь от стыда: я уже закончила 5-й класс, большая, председатель совета отряда — это маленький начальник в пионерской организации. И мне лезть под лавку, чтобы обмануть ревизора? Это не соответствовало уже сложившимся взглядам. Но что делать? Со страхом я смотрю на входную дверь, откуда мог появиться ревизор. Но мне повезло. Ревизор не приходил, и мне не пришлось лезть под лавку.

В Новосибирске ночевали у каких — то знакомых тёти Маруси. А утром от вокзала пешком шли до ул. Кропоткина, №445, где жили Худышкины. Именно этот адрес у меня был для переписки с Лидой. Шли долго, наверное, полдня, отдыхали на каких-то брёвнах. Когда пришли, оказалось, что Лида там не живёт. Но тётя Лида Худышкина сказала, что вечером меня отведёт к Лидиной хозяйке. Тётя Лиза, Лидина хозяйка, работала в магазине, наверное, в районе Дома Одежды.

Вечером она повела меня домой. Это было 9 июня, воскресенье, праздник Троицы. Тёплый солнечный день. Вела меня огородами. Пришли на ул. Овражная, № 122. Из огорода зашли в ограду. На крыльце стоит девочка старше меня. Она потом говорила: «Подумала, что хозяйка ведёт другую девчонку, меня хочет выгнать». А я догадываюсь, что это моя сестра. Но молчу. А хозяйка смотрит на эту немую сцену и говорит: «Вот как, и друг друга не узнают.» Тогда Лида говорит: «Это, наверное, Валька.» И бросились мы друг к другу, обнялись и давай реветь. И ревели всю ночь, устроившись в Лидином уголке, за печкой на полу.

Видимо, на следующий день Лида отвела меня к Худышкиным, куда за мной должна была придти тётя Маруся. Как мы возвращались в Колывань, я уже не помню.

Я жила в этом детдоме ещё 2 года, продолжали дружить с тётей Марусей. Но основным содержанием моей жизни была учёба, общественная работа. К 7 классу я уже была председателем Совета дружины, ездила на 1 областной пионерский слёт, вступила в комсомол. В 1948г. переехала в Искитимский детдом, где прожила 4 года и закончила педучилище. Вернулась в Колывань, проработала 2 года пионервожатой... И как-то подзабылась у меня тётя Маруся. Потом 5 лет института. Опять вернулась в Колывань, работала в сельскохозяйственном техникуме. Один раз случайно встретилась с тётей Марусей. Обе как будто растерялись. Поздоровались и пошли дальше. Больше я её не встречала и ничего не сделала, чтобы её найти. Сейчас мне уже за 80 лет, а душа всё болит. Как же я так могла, не постаралась найти её? Ведь она же была родным мне человеком. Её я могла бы назвать мамой. Этим словом я никого не звала. А её могла бы назвать. Но не искала, случайных встреч больше не было. Значит, ген равнодушия поразил и меня, хоть я и не жила среди родственников. То, что я не стала ей опорой в её старости, это главный грех в моей жизни. И чтобы хоть как-то загладить свою вину перед тётей Марусей, я и пишу эту работу для Колыванского музея.

Я ещё хочу рассказать о неравнодушных людях, работавших в нашем детдоме. После Юлии Михайловны, наверное, уехавшей на Украину после

освобождения её от фашистов, директором детдома у нас была Анна Степановна Федотова. Когда я уже работала в Колыванском сельхозтехникуме, она работала в райкоме партии заведующей орг. отделом. Она мне взрослой рассказывала, как она поступила после отмены карточек на хлеб. Норма для нас была установлена 750г. Но она решила не делить её на пайки, а нарезать хлеб на общую тарелку, чтобы ели, сколько захотят. Её отговаривали, опасались, что будет перерасход нормы. Но она стояла на своём: «Ничего, наедятся и перестанут запасать хлеб впрок, когда убедятся, что хлеб на столе будет всегда.» Так оно и получилось. Мы в последние годы моей жизни в Колыванском детдоме были сытые.

Мало того, руководители детдома заботились о том, чтобы сделать нашу жизнь более интересной. В 1947г., когда я закончила 6 класс, была организована экскурсия в Новосибирск. Возглавляла группу экскурсантов (не знаю, сколько человек — 10, 15 или 20) завуч детдома Екатерина Карповна Федосеева, а раньше, — во 2 классе, - она была моей учительницей. В городе нашей «гостиницей» стал Дом юных техников и натуралистов. Спальной для нас была сцена, где мы укладывались на ночь рядком, конечно, без матрацев, подушек, одеял и прочих постельных принадлежностей.

Самой интересной была экскурсия в театр Оперы и Балета. Мы побывали в сказке. Сначала была проведена экскурсия по всему театру, нам рассказали историю его строительства, показали зал, сцену, машинный зал, гримёрные, сказочное оформление зала. На нас, ничего не видевших, кроме бывших хоть и купеческих домов, но всё-таки простых, без каких-либо украшений, благоустройства с удобствами на улице, это произвело неизгладимое впечатление.

А вечером мы слушали оперу «Кармен». Я не помню, хорошо мы поняли оперу или нет, скорее всего нет, но то, что она нам очень понравилась, мы увидели и услышали красоту, это вне всякого сомнения.

Были и другие экскурсии.

И вот Екатерина Карповна, у которой на руках была группа воспитанников, которых надо было накормить, и на экскурсию сводить, и спать уложить, нашла время и силы, чтобы отвезти меня на свидание к сестре на ул. Овражная, №122. Она наказала Лиде, чтобы та привезла меня завтра в цирк к 12 часам. Лида отпросилась у хозяйки и повезла меня к Саше Михайлову, который после демобилизации из армии вернулся домой в Батурино, женился на Наде и приехал с ней в Новосибирск. Жили они в Затоне, снимали крохотную комнатку. Там произошла моя первая встреча с братом, который писал мне письма из Германии.

Ещё год жила я в Колыванском детдоме. Училась в 7 классе. Пионервожатой в это время у нас была Раиса Федоровна. А я — председатель Совета дружины. Каждый день в летнее время подъем по звуку горна. Быстро соскакиваем - и бегом на речку. На берегу под руководством воспитательницы делаем зарядку и кто умывается, кто купается в реке. Тогда река Чаус была полноводная, в ней и утонуть было можно. Мы все умели плавать. Но омуты (а они были) и опасны именно для плавающих. Так что

воспитателям нужно было смотреть в оба, чтобы всех детей доставить домой.

По команде бежим домой. Там звук горна зовёт на пионерскую линейку. Председатели советов отрядов докладывают председателю совета дружины о готовности отрядов. А далее — доклад пионервожатой. И сообщение о распорядке дня. Как правило, речь шла о предстоящей работе: или мы идём на своё поле или на колхозное. На своём поле картошку садили, обрабатывали, убирали. Иногда ездили за несколько десятков километров за ягодой, например, за клубникой. На быке везут продукты, бочки — тару для ягод, прочие вещи. Мы, конечно, идём пешком. В какой — нибудь деревне останавливаемся на ночлег в школе. Повар варит, кормит. Спим попоходному. А весь день с перерывом на обед собираем ягоды. Лучшим сборщиком среди нас была Надя Леонтьева.

В это последнее для меня Колыванское лето в моей жизни было выдающееся событие. Я была делегатом на 1-ый Областной пионерский слёт. От районной пионерской организации была направлена на слёт делегация в составе 5 человек. Руководила делегацией Валентина Фёдоровна Парчайкина, тогда зав. отдела школ и пионерских организаций в РК ВЛКСМ. Добирались мы до города «на своих двоих». Через реку Чаус переплыли на лодке, а дальше до Бумажной фабрики (километров 20-25, точно не помню), шли пешком. Но шли весело. Всю дорогу Валентина Фёдоровна пела нам песни. Голос у неё был замечательный, и сама она добрая, приветливая. Скоро в Колывани будет создан русский народный хор, которым будет руководить талантливый музыкант Шиллер Александр Иванович, игравший на пианино, баяне, аккордеоне, всех струнных и духовых инструментах, создавший прекрасный хор, которому не было равных в области. Песни в исполнении этого хора передавала Москва под рубрикой «Поёт молодая Колывань». И в этом хоре главной солисткой будет Валя Парчайкина. Будет киножурнал, в котором Валя Парчайкина крупным планом во весь экран поёт «В предгорьях Алтая в посёлке ночном...».

Но это будет потом...

А пока мы пятеро всю дорогу до Бумажной фабрики слушали прекрасное пение, не подозревая, что с нами идёт будущая знаменитость.

В Новосибирске делегатов слёта разместили в гостинице. Питались мы в ресторане. Много было интересного. Но самое яркое впечатление осталось у нас опять от посещения Оперного театра. На этот раз нам показали балет «Доктор Айболит». Это была такая сказочная красота! Мы были в восторге. И не зря. Наверное, в самом деле это был прекрасный спектакль, коль он был удостоен Сталинской премии. И на сегодняшний день я могу сказать, что ничего подобного я больше не видела.

Но сказка кончилась, мы вернулись домой к нашей обычной жизни. А в этой обычной жизни у меня была серьёзная проблема. Я закончила 7 классов, мне нужно было определять свой дальнейший жизненный путь. Я знала, что моя сестра не училась. У меня была мысль, что нужно скорее получить специальность, чтобы я работала, а Лида училась. Не понимала я тогда, что она уже взросленькая, что в её возрасте уже другие проблемы, а не учёба в

Они нас воспитывали

Раиса Федоровна
пионервожатая

Людмила Константиновна
воспитательница

С ними мы вместе росли

Фая Ефаева

Сусанна Вильгельм

Ядзя Федоркова

Сусанна и Полина Вильгельм. Был с ними ещё брат Яша. Мы с Сусанной были подругами. Она была в детдоме председателем детсовета. Исключительно добросовестная, трудолюбивая, всеми уважаемая.

Это дети поволжских немцев. Без родителей остались в 1939г., то есть до начала войны. Но когда Сусанна закончила 7 классов и захотела поехать в Новосибирск, чтобы поступить в педучилище, ей не разрешили, в милиции взяли на спецучёт, как всех немцев. Пришлось ей поступать в Колывань в агрошколу. По окончании её работала агрономом в одном из хозяйств области. Поступила заочно в сельхозинститут. И всё время хлопотала, чтобы её сняли со спецучёта. Добилась. А через 2 года всех немцев сняли со спецучёта.

А педагогом она всё-таки стала. После окончания сельхозинститута она преподавала в школе биологию.

школе. От кого-то услышала, что есть Искитимский детдом, в котором детдомовским дают среднее образование за счёт государства. Для них было открыто педучилище. Из разных детдомов области туда свозили лучших выпускников 7 классов.

Я поговорила с кем-то, возможно, с Екатериной Карповной или с Раисой Фёдоровной. Наверное, связались с ОблОНО и быстро решили мой вопрос о переводе в Искитимский детдом. Нужно было только получить мне свидетельство о рождении. Заказывали в ЗАГСе свидетельство 25 июля и написали, что родилась я 25 июля, закончила 7 классов, значит уже 15 лет, написали - 1933 год рождения. Всё оказалось почти правдой, ошиблись только на 2 дня. В самом деле я родилась 27 июля. Но об этом я узнала только в старости, когда я в следственном деле отца обнаружила номер моего свидетельства о рождении. В Искитим меня увозила Клавдия Ивановна, с которой мы встречали День Победы. В Новосибирске она меня завозила на свидание с Лидой, которая жила в это время у новой хозяйки на ул. Владимирская. Так закончился первый период моей Колыванской жизни.

Сотрудники Кольванского детдома №4
фотография от 18 декабря 1952г.

1 ряд: Клара Михайловна, Денисова Антонина Фёдоровна (тогда её звали Стюрой), директор Наталья Дмитриевна, Анна Прокопьевна, Евдокия Алексеевна.

2 ряд: Валентина Алексеевна Рабальчукова — пионервожатая, Мария Евсеевна, Мария Васильевна, Нина Александровна.

3 ряд: Мария Акимовна, Василий Иванович, Августа Петровна, Людмила Александровна.

Эти девочки были малышками, когда мы с Сусанной учились в 5-7 классах. Теперь, когда я после окончания Искитимского педучилища вернулась в свой детдом в качестве пионервожатой, выросшие девочки стали моими воспитанницами. Вверху — Полина Вильгельм и Тоня Полянская.

Глава 4

Новый этап моей Колыванской жизни

С 1948 по 1952 годы я жила в Искитимском детдоме и училась в педучилище. Получила специальность — учитель-воспитатель детского дома. Присвоена квалификация народного учителя начальной школы.

С такими дипломами мы разъезжаем, наверное, 15 августа. Половина уезжает на вечернем пригородном поезде, половина утром. А пока мы все на перроне вокзала в Искитиме. С нами и директор наша Лидия Кронидовна, наша мать, строгая и заботливая, готовая прийти на помощь в любую минуту, если её девицам грозит опасность. Расстаёмся навсегда. Уезжаем в неизвестность. Очень страшно. Обнимаемся, прощаемся, ревём.

Вой, как на похоронах. И разразился ливень. Но и сквозь ливень наш вой слышен в вокзале. Пассажиры вышли под ливень и смотрят на нашу трагедию. Но пришёл поезд, уехали те, кому было нужно уехать. А те, кто поедет утром, возвращаются в детдом. Лидию Кронидовну пришлось почти тащить волоком, у неё отказали ноги.

Так простились мы с привычной жизнью, когда знаешь, что у тебя есть кров и дом, и столовая... Теперь обо всём нужно заботиться самим.

Я ехала не в такую уж неизвестность, ехала в Колывань, в свой детдом, где и провела свою первую ночь. Утром меня увидели ребяташки, кричали: «Валя-рыбка приехала». Рыбка-это было моё главное прозвище. Но Евдокия Алексеевна, которая меня знала класса со 2-го, поправляет: «Не Валя, а Валентина Алексеевна!».

И началась моя взрослая жизнь. В первый день, когда я ещё не приступила к работе, было в детдоме ЧП. Один мальчишка наелся белены для устрашения воспитателя. Так что была суета, с ним отваживались.

Меня определили на квартиру, и, наверное, на следующий день я вышла на работу. Жизнь в детдоме была примерно такой же, как и тогда, когда я была воспитанницей. Маленькие ребяташки стали старше на 4 года. Часть сотрудников и воспитателей были прежние. Завучем по-прежнему была Екатерина Карповна, и мы с ней были главными помощниками старшеклассников при решении задач и выполнении других трудных заданий. Мне не понадобилось прилагать усилия, чтобы влиться в коллектив, так как я вернулась в родную для меня среду. Воспитателем я недолго поработала. Бывшая моя воспитательница Людмила Петровна, которая в это время работала в РК ВЛКСМ, несмотря на мои возражения и возражения директора детдома, назначила меня через бюро РК ВЛКСМ пионервожатой, а месяца через полтора решила взять меня в РК ВЛКСМ на должность зав. отделом школ и пионерской организации. Я опять возражала, но бесполезно. Меня утвердили на бюро РК ВЛКСМ, а потом и в РК КПСС. Но бдительность инструктора обкома ВЛКСМ Тимониной А.Т

спасла меня от повышения в должности. Она спросила меня о родителях, я сказала, что отец взят по линии НКВД. Она сказала, чтобы я продолжала работать на прежнем месте. Меня это вполне устраивало, так как я мечтала об институте. Я старалась работать добросовестно, придумывала разные пионерские сборы. И как-то так получилось, что я уже стала выступать на политические темы. Прошёл в сентябре 1952г. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС, я провела о нем беседу со всеми ребятами. И в праздники выступала я с докладами, которые быстро сама сочиняла. Слушали хорошо.

Пожалуй, самые незабываемые воспоминания остались у меня от дней болезни и смерти Сталина (март 1953, смерть 5 марта). Несколько суток последних я, когда была дома, в том числе все ночи не выключала радио, слушала печальные сообщения о болезни Сталина и печальную музыку. И, наконец, — кончина.. Мы, детдомовские, были ярыми сталинистами. Для нас Сталин был Богом. И вот иду я утром на работу, все прохожие рыдают. Было такое ощущение, что земля разверзлась, впереди- пропасть. Как жить без Сталина? Прихожу в детдом. Все режут, а одна девочка, которая недавно из деревни прибыла в детдом, сидит и выполняет домашнее задание. Все на неё кричат: «Как ты можешь делать уроки, когда Сталин умер?» А она спокойно отвечает: «Ну и что, при Сталине жили и без Сталина проживём». Я в душе разделяла чувства ребят, но должна была сдерживаться. А теперь, и не только теперь, размышляя по поводу поведения этой девочки, я прихожу к выводу, что устами этой девочки произносились слова простой крестьянской мудрости. А крестьянство наше фактически жило, как при крепостном праве: без паспортов, без права уехать из колхоза, без права получать за свой труд. Работали за трудовни, за «палочки». Порой даже в семьях передовиков колхозного производства голодали. Я лично это испытала в Базое, в семье тёти, в которой и до войны было голодно.

Но в тот момент скорбела вся страна, в том числе все, кто окружал меня, и я вместе с ними. Мы, конечно, даже представить себе не могли, что есть люди, которые знали правду, ненавидели его, радовались его смерти. Были и те, кто, возможно, в самом деле «помог» ему умереть. До сих пор идут споры о Сталине, о его роли в истории нашей страны. Я много читала об этом и во время Хрущевской «оттепели» и особенно во время Горбачёвской гласности. Вот только «Архипелаг Гулаг» Солженицына я так и не смогла прочитать, хотя начинала несколько раз. Мне сразу становится плохо с сердцем. Я за муками людей, которые описывает Солженицын, вижу муки моего отца, который на первом допросе не признает себя виновным а после пропущенных чистых строк в протоколе допроса при продолжении допроса признает вину, что он — член военно-монархической организации, созданной князем Волконским по заданию белогвардейского центра на Западе, что он поджёг колхозный амбар с семенным и фуражным зерном (переследствие в 1958г. показало, что никакого пожара в Базое в 1937г. не было). Я и сейчас продолжаю

Сталин - зло или благо для России?

Рой МЕДВЕДЕВ,
историк,
писатель

С прихода Сталина к власти прошло почти 90 лет, с момента его смерти - 60 лет, но общество никак не может дать ответа на этот проклятый вопрос.

Да, есть такие сложные темы, причём как в истории, так и в повседневной жизни. Работает, например, в больнице детский врач, многих ребятишек вылечил. Всем хорош - но педофил! Можно ли оправдать такого человека, приняв во внимание его несомненные заслуги перед здравоохранением? Конечно же нет, он должен понести уголовную ответственность по всей строгости закона. Так же и с политиками...

Будучи диктатором, Сталин нёс ответственность за всё, что при нём происходило в стране. А происходило разное, в том числе и положительное. Можно вспомнить построение современной индустрии, создание атомной бомбы, ракетного оружия, победу в Великой Отечественной войне... Всё это его рук дело, но средства, которые применял Сталин, были чрезвычайно жестокими и преступными. Массовый террор развязал лично Сталин. Он подписывал многочисленные расстрельные списки. Он несёт личную ответственность за убийство сотен тысяч, если не миллионов людей, или вов-

се не виновных, или не виновных в тех преступлениях, которые им ставила в вину советская карательная машина.

Все успехи СССР при Сталине, которые никто не подвергает сомнению, были достигнуты слишком высокой ценой. Мы продолжаем платить её и сегодня. Распад СССР - прямое последствие деятельности Сталина. Он создал государство, которое держалось только на насилии и не смогло существовать за счёт других связующих средств. Прекратилось насилие, и государство стало распадаться на части. Так что высшему суду, если бы он существовал, я бы порекомендовал признать Сталина виновным. Да, «со смягчающими обстоятельствами», но однозначно виновным в преступлениях против собственного народа.

И. Сталин создал государство, которое держалось только на насилии.

читать все, что пишут о Сталине, в том числе о результатах социологических опросов. Я, скорее всего, присоединяюсь к мнению тех, кто считает, что пользы от деятельности Сталина для страны больше, чем вреда. Вывод Дмитрия Волконогова: «Гениальный, но злодей». О гениальности Сталина не могу судить: не была с ним лично знакома, да и сама далеко не гений, просто способный человек. Но помню, что когда Сталин выступал по радио, все замирали. Он не говорил много, но каждое слово на вес золота. Злодеем его я не считаю. Я не думаю, что он желал зла Советскому Союзу, он стремился сделать СССР могущественным государством. Но средства для достижения этих целей и для установления единоличной власти действительно были не ангельскими. Это мысли сегодняшние и всего периода после XX съезда партии.

Но возвращаюсь к марту 1953г. И последующему времени. Жизнь, как и предсказывала девочка — крестьянка, и без Сталина продолжалась. Дети учились в школе, проводили пионерские сборы, участвовали в самодеятельности, читали книги, газеты, слушали радио. И вот опять беда. Возвращаемся летом из похода. Только зашли в Колывань. Вдруг слышим по радио сообщение: разоблачен и арестован враг народа Берия. Опять зашаталась земля под ногами: кому же верить, если ближайший соратник Сталина — враг?

Но и после этого события жизнь продолжалась. Делали все, что было нужно: работали на полях, своих и колхозных. Пришло время вывезти из Седово дрова, заготовленные к следующей зиме. Как всегда, подобрали бригаду самых рослых и сильных ребят, пригодных для погрузо-разгрузочных работ. С ними была и воспитательница Серафима Ивановна, которая воспитывала ещё и моё поколение. В Скале моторист сделал остановку, чтобы сходить в чайную. На поверхности моторки оставил заряженное ружьё. Подходит Миша Соловьенко, берет в руки ружьё и, нацеливая его на попавшую под руку Зину Гриненко, говорит:

- Гриня, я тебя застрелю.

Она ему:

- Ты что, Мишка, с ума сошёл, ты же в самом деле меня застрелишь!

Скорее всего, мальчишка не умел обращаться с ружьём и нечаянно нажал на курок, но Зину он ранил, хорошо, что задел только мягкие ткани в левой стороне груди, но крови было много.

Были ЧП и в других детдомах. В д/д №5, когда дети работали на колхозном поле, мальчик упал с лошади и сломал ногу.

Но самое страшное произошло в дошкольном д/д №3. Детей вывезли в лес на прогулку. Они разбрелись в поисках земляники. Через некоторое время всех пригласили на обед. Обед подходил к концу, когда обнаружили, что нет одной девочки — Любы. Стали искать, кричали. Найти не удалось. Собрали детей, посадили в машину, и уехали в Колывань. Сразу подняли тревогу, сообщили в Райком партии и в милицию. Тут же были организованы курсанты училища механизации и

на машине уехали на место события. Воспитательница из леса и не уезжала.

Искали до наступления темноты, и ещё пять дней искали от темна до темна. По истечении шести дней в прокуратуре завели уголовное дело на директора д/д и воспитательницу.

В воскресенье наступил девятый день со дня пропажи Любы. Нас, работников всех детских домов, пригласила в свой кабинет секретарь райкома партии Полякова Е.

Она ведёт с нами серьёзный разговор о том, что в нескольких детдомах произошли ЧП. Это говорит о том, что плохо поставлена воспитательная работа. Во время этой беседы вдруг раздаётся телефонный звонок. Она берет трубку, отвечает, и услышав сообщение, тревожно спрашивает:

- Живая?

Услышав ответ, задаёт второй вопрос:

- Нормальная?

И дальше слышим, что просят прислать машину. Она тут же отдаёт распоряжение отправить в нужное место машину.

Мы все, сидящие в кабинете, поняли, о ком идёт речь, у всех слёзы на глазах, а воспитательница и директор д/д бросились друг к другу, обнялись и завыли...

Я вот сейчас пишу об этом, и слезы текут ручьём.

Позже выяснились подробности.

Ехали женщины от больничного подсобного хозяйства в сторону Колывани. Вдруг видят: выходит из леса девочка в одних плавочках. Спрашивают:

- Тебя как зовут?

- Люба.

- Ты чья?

- Ничья.

- Ты поедешь с нами?

- А вы поесть дадите?

- Дадим.

Она села на телегу, ей дали с полстакана молока и кусок хлеба. И сами стали закусывать.

Она быстро съела, что ей дали, и говорит:

- Вы почему сами едите, а мне не даёте?

Но женщины уже поняли, кто эта девочка. О ней знал весь район, так как каждый день и не по одному разу по Колыванскому радио обращались с просьбой принять участие в поисках Любы и, если что-то узнают, сообщить в райком партии или милицию.

Женщины повернули лошадь назад к больничному подсобному хозяйству и позвонили оттуда в райком партии. Мы были свидетелями этого звонка.

Любу привезли в больницу, чтобы обследовать её и помочь

восстановить силы.

Её спрашивают, что она ела.

Отвечает:

- Ягодки.

- Где спала?

- Под кустиком.

Оказывается, она слышала, как её искали, но боялась откликнуться, так как потеряла платье и панамку. А потом, когда уже есть захотела, стала искать своих и ушла в другую сторону.

Девочка оказалась с характером. Врачу позволяла её осмотреть только после того, как она расскажет ей сказку.

Любе исполнилось уже семь лет, и к сентябрю её перевели во Вьунской д/д, и она пошла в школу. Позже я слышала, что из Вьунского д/д она тоже терялась.

Дело, заведённое в прокуратуре было доведено до конца, передано в суд. Директора, которая уже 25 лет работала директором д/д, исключили из партии и присудили 3 года принудительных работ (лопатила зерно в заготзерно). Воспитательницу исключили из комсомола, лишили педагогических прав и присудили платить в счёт государства 25% зарплаты.

А в наш детдом зачастили следователи прокуратуры. Для нас наступили очень беспокойные времена. Больше всех волновалась Серафима Ивановна. Ей оставалось уже немного времени доработать в д/д до получения права выхода на педагогическую пенсию. Тогда год работы в д/д засчитывался за 2 года. Нужно было проработать в д/д 12,5 лет, и можно было уходить на педагогическую пенсию. Осталось совсем немного. И тут такое ЧП. Серафима Ивановна, когда приходила на смену, каждого воспитанника принимала по списку и по окончании смены сдавала по списку. Однажды никак не может найти одного парня, обошла всю территорию д/д и берег реки. А его мальчишки заложили дровами в поленнице.

И тот же Миша Соловьенко говорит:

- Поищите, поищите, а не найдёте - Вас в тюрьму посадят.

До суда у нас дело не дошло, но нервоотрёпки было много.

Каждое утро я вставала с мыслью: «Хоть бы сегодня не заработать тюрьму». А вечером ложилась с мыслью: «Слава Богу, сегодня я не заработала тюрьму». У меня был такой шанс. Мы почти каждый день в тёплую погоду водили детей купаться на речку: утром после подъёма все бегом на речку, зарядка и купание, и вечером после возвращения с полей. Если сегодня не работали на полях и не ходили в лес, то и после завтрака ходили на речку. Почти все дети плавали на ту сторону реки. Так как воспитатели не могли плавать так далеко, то всегда плавала я с ребятами.

Противоположный берег обрывистый, я пересчитывала по головам ныряльщиков, их у меня было то больше, то меньше, чем надо. И пока не вернёмся на свой берег, и я не проверю наличный состав, не успокоюсь.

У меня не нормированный рабочий день. Прихожу к подъёму и утренней пионерской линейке, ухожу после вечерней линейки.

Это постоянное ощущение страха после описанных событий не прошло для меня бесследно. На распределении на работу после окончания пединститута мне предложили работать завучем показательного детдома и предлагали из своих сокурсников выбрать воспитателей и пионервожатую. Я сначала удивилась и даже обрадовалась такому предложению. Это соответствовало моему тайному замыслу: закончить пединститут, взять детдом и организовать в нем жизнь по системе Макаренко, описанную им в книгах «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». Поговорила со своими подругами Валею Труш и Тамарой Чупрыниной, с которыми мы учились в одной группе и жили в одной комнате. Они без колебаний согласились...

Но я подумала серьёзно, вспомнила пережитое в своём родном детдоме летом 1953 года и отказалась. А своим разочарованным моим решением подругам сказала: «Вы не представляете, насколько это опасно».

А летом 1953м года я доработала в детдоме до отпуска. РК ВЛКСМ предложил мне перейти на работу в Дом пионеров пионерским организатором. Эта должность не требовала утверждения в Обкоме ВЛКСМ.

Я дала согласие. И после непродолжительного отпуска, проведённого в родном Базое в семье тёти Насти и дяди Вани Невротовых, я вернулась в Колывань и приступила к работе в Доме пионеров. Директором дома была Лаптева В.А. в будущем заведующая районо. С нами работал Борис Руднев, Вадим Князев и др. Коллектив был небольшой, но очень дружный. Отношения между нами были хорошие, доброжелательные. С Борисом Рудневым мы ещё участвовали в хоре в ДК культуры, которым руководил Шиллер А.И.

В ДК был и драмкружок, которым руководила московская актриса. Она приехала жить в Колывань по семейным обстоятельствам. Сначала она поставила спектакли по советским пьесам. А когда уже были опробованы способности наших доморощенных артистов, она поставила спектакль по пьесе Островского «Без вины виноватые». Незнамова играл Борис Руднев, а Кручинину, мать Незнамова, играла она сама. Этот спектакль стал крупным событием в культурной жизни Колывани.

При подготовке к областному смотру 1954 года была приглашена балерина из Новосибирского театра оперы и балета. Они вместе с нашим руководителем танцевального коллектива ходили по домам старейших жителей Колывани, просили их показать, как они танцевали в молодости. Часть движений, которые они, таким образом, подсмотрели у бабушек, включили в «Колыванскую кадрили», которая тоже была исполнена на областном смотре художественной самодеятельности.

Вместе со всем коллективом участников художественной самодеятельности я ездила в Новосибирск на областные смотры и в 1953

и 1954 годах.

Сегодняшней молодёжи, наверное, невозможно представить, что мы ежедневно в последние месяцы перед смотром ходили на репетиции, которые продолжались чуть не до 12 часов вечера. Все это делали с огромным энтузиазмом, совершенно бесплатно. Это сегодня выросло поколение, которое все делает только за деньги. Правда, последние события, особенно празднование 70-летия со дня Победы, подаёт надежду, что, может быть, возродится патриотизм и желание трудиться на пользу общества без расчёта на вознаграждение. А теперь стало традицией ежегодно в день Победы устраивать шествие Бессмертного полка. Инициатором его был г.Томск, а теперь это стало традицией не только по всей России, но и в других странах мира.

Это отступление касается участия в самодеятельности и других общественных делах. Это все было в свободное от работы время.

В Доме пионеров все мы работали впервые и работали в меру своих способностей и опыта. Жизнь пионерской организации мне была хорошо знакома. Я работала с пионерским активом школ, с отрядными вожатыми. Проводила массовые мероприятия, например, пионерский костёр в Ленинские дни в Доме культуры. Имитация костра с помощью вентилятора и красных лоскутков. Все остальное было настоящим: и беседа о В. И. Ленине, и стихи, и песни...

В Доме пионеров каждый день было многолюдно. Работали кружки: хоровой, драмкружок и др.

Однажды мы с ребятами решили совершить путешествие по речке Чаус на лодке. Сама я грести вёслами не умела. Но хоть догадалась взять в команду сильных мальчиков, «опытных» гребцов. Не знала я и элементарного правила катания на лодке: пока со свежими силами гребцы, надо плыть против течения, а возвращаться – по течению. Мы же сразу поплыли по течению до посёлка Чаус. Все было хорошо. А вот назад поплыли против течения – уже было плохо. Сил нет, есть захотели, лодка еле продвигается вперёд. Вижу, что до Кольвани нам не доплыть. Причалили к острову напротив Подгорной. Я оставила ребят на острове, а сама поплыла через протоку к деревне Подгорной. Пришла на вечерку, попросила помочь перевезти ребят с острова. Парни быстро организовались, ребят перевезли, а наша лодка осталась на острове. К утру её далеко угнало вниз по течению.

Ребят я развела по домам. Сама пришла домой уже ночью.

И этот опыт показал, что всему нужно учиться и не браться за то, что не умеешь делать, особенно, когда это связано с жизнью детей.

Но я работала после окончания педагогического училища всего второй год, и мне очень многое приходилось делать впервые. Совершенно неожиданно для меня я была включена в комиссию ОблОНО по проверке Вьюнской средней школы. Комиссию возглавлял старший инспектор ОблОНО Курак Владимир Ильич. Мне было поручено проверить внеклассную и внешкольную работу.

Я постаралась добросовестно написать ответы на все поставленные вопросы. Для этого я познакомилась с работой школы по данным вопросам. Во-первых, мне очень понравилась школа. Всё с чем я знакомилась, мне нравилось. И моё заключение тоже понравилось руководителю комиссии. Курак В.И. даже сказал, что не ожидал от такой молодой проверяющей такой качественной работы. Он меня запомнил. Когда через 5 с лишним лет я после окончания пединститута обратилась за помощью к Зам. Зав. ОблОНО Курак В.И. при назначении на работу, он мне помог.

Федотова Валентина Алексеевна,
урожденная Рыбальчук

Глава 5

Тридцать лет преподавательской деятельности

Когда по окончании института нам вручали дипломы, заведующий кафедры марксизма-ленинизма Рукин сказал нам: «Не бойтесь браться за преподавание любого предмета, знайте, что пока вы не попреподаёте предмет, вы ничего не знаете».

Эти слова я помню всю жизнь, так как меня они коснулись сразу же после окончания института, когда я начала работать в Колыванском сельхозтехникуме. Мне директор техникума Филипп Афанасьевич предлагал преподавать историю и политэкономия. Я согласилась, не испугалась. Я думала, что что-то знаю. А поговорила со своими подругами по группе, они говорят: «Тебе-то чего бояться, ты все знаешь». Эти слова меня и вовсе успокоили. И я, выпускница историко-филологического факультета Новосибирского педагогического института, с присвоенной квалификацией учителя русского языка, литературы и истории в средней школе без колебаний согласилась преподавать историю и политэкономия в техникуме.

Я действительно лучше других подружек понимала произведения Маркса и Ленина, объясняла своим одноклассникам непонятное. Тогда было обязательным конспектирование первоисточников классиков марксизма-ленинизма, партийных документов. Энгельс и Сталин были всем понятны. Они писали простым, доступным языком. А Маркс и Ленин были трудны для понимания многих. В группе у меня было прозвище «марксист».

И вот у меня, «все знающего «марксиста», первый урок 8 августа 1959 года. Установочные занятия по истории СССР для заочников. Чтобы качественно провести установочные занятия, нужно хорошо владеть всем программным материалом, уметь выделить самое главное, дать рекомендации, как заочникам самостоятельно изучить этот материал, как выполнять контрольные работы. Я сразу же обнаружила, что по этому даже более простому для меня предмету я не готова была провести качественное занятие. Конечно, я очень старалась. Мои первые ученики были ко мне снисходительны.

Это были солидные люди: руководители совхозов и колхозов, агрономы, офицеры, попавшие под сокращение в связи с решением Никиты Сергеевича Хрущева уменьшить численность военнослужащих, вынужденных приобретать гражданские специальности. И вот перед этой солидной публикой проводит свой первый урок тощенькая учительница весом в 48 килограммов. Никто не высказал никаких недовольств по поводу урока. Но вот гардеробщице они сказали: «Как она посмела на первый в своей жизни урок прийти в такой узкой юбке?». И гардеробщица мне говорит: «Ты уж, дочка, не одевай этот костюм». Я ей ответила: «А у

меня ничего другого нет». Это был новый габардиновый костюм серого цвета с белой капроновой кофточкой. Юбка прямого покроя. Но сама я после 5-летней студенческой диеты да ещё после операции по удалению аппендицита за 20 дней до урока была тощей. А мода на прямые юбки только начиналась. Зато когда после первого семестра учащиеся съездили домой на каникулы, вернулись некоторые в таких же костюмах (даже по цвету) и с моей причёской.

А как преподаватель, особенно политэкономии, в первый год я, конечно, ценности не представляла. Я училась быть учителем. А учиться было у кого. Я дружила с Тамарой Лукиничной Чернышевой, преподавателем географии, очень изобретательной в методике преподавания, особенно в методике опроса. И в том, что в будущем, уже в Омском авиационном техникуме во время министерской проверки было признано, что опрос - наиболее трудная часть урока, у меня очень удачно проходит, я обязана именно Тамаре Лукиничне. У неё всегда был уплотнённый опрос. На перемене до урока готовится доска, делится по полам, на каждой половине контурная карта нарисована (страны или республики СССР). Учащиеся должны выполнить задание: например, нанести условными знаками какие в этой стране, республике есть полезные ископаемые или какие отрасли экономики здесь развиты, какие предприятия построены. Подобные, но другие задания получали учащиеся, работающие с карточками и фабричными контурными картами, сидящие за первыми столами. Были и другие задания – для письменных ответов на местах. Пока эти задания выполняются, у доски несколько человек устно отвечали на вопросы учителя. Группа очень активно слушает эти ответы, вносит дополнения, уточнения... В итоге на каждом уроке получают оценки человек по 10. Уроки у неё были увлекательными, результативными. Когда Тамара Лукинична с мужем Михаилом Гавриловичем уехали в Новокузнецк, я с ней переписывалась, и когда ещё работала в Колывани, и когда жила уже в Омске и работала в авиационном техникуме. И в письмах она не забывала делиться со мной новинками в методике преподавания. Так именно под влиянием одного из писем я стала серьёзно заниматься использованием материалов периодической печати на уроках истории и политэкономии. У меня, как и у Тамары Лукиничны, все учащиеся были экспертами по какой-либо проблеме международных отношений (Советско-Американские отношения, отношения СССР и ФРГ, Советско-Китайские отношения, положение на Ближнем Востоке..). Все учащиеся оформляли альбомы по своей проблеме (вклеивали вырезки из газет, делали записи из сообщений радио, телевидения). Из этой работы родился факультет «Международная жизнь». Занятия его проходили в актовом зале. На сцене за столом наиболее интересные «эксперты», которые отвечают на вопросы из зала, заранее не подготовленные. Но их задают учащиеся, которые тоже являются «экспертами». Так что получился вполне заинтересованный разговор людей, понимающих друг друга. Обобщение делаю я сама, в ту

Колыванский с/х техникум.

Группа плановиков с классным руководителем В.А.Рабальчуковой и преподавателями, работавшими в группе (1960/1961 уч.г.)

1 ряд: Герасимова Люся, Тома Мишина (комсорг), Рита Цейлих (староста комнаты общежития), Вера Сарапулова, Люда Бабикина, Валя Давыдова.

2 ряд: Роза Федоровна, Афанасий Васильевич Темников, Валентина Алексеевна Рабальчукова (правильно - Рыбальчук), Зоя Владимировна Юшкова...

3 ряд: Галя Казанцева (староста группы), ... в центре Витя Чикишев, Люда Богдашкина, Нина Ганченко, Нина Посохова

4 ряд: 2-ая - Валя Ровнова, 5-я - Мазур Тоня, 7-я - Тая Шейнова

пору уже лектор - международник, внештатный лектор Омского Обкома КПСС.

В 1982г., когда я работала в Новосибирском кооперативном техникуме и поехала в Таллинн на Всесоюзную конференцию по итогам конкурса творческих работ по общественно-политической тематике вместе с ученицами-дипломантами этого конкурса, там я встретила Тамару Лукиничну. Она, оказывается, тоже участвовала во всех Всесоюзных конкурсах со своими учащимися, которые получали дипломы I степени.

Так что мне повезло, что я в самом начале своей преподавательской деятельности встретила такого талантливую, изобретательного, неравнодушного, творческого человека.

Я всегда преклонялась перед умным, начитанным, прекрасно разбиравшимся в политике, в том числе международной, преподавателем математики Темниковым Афанасием Васильевичем. И когда я работала заведующей агитпунктом в здании нашего техникума, организовывала встречи с интересными людьми. На одну из таких встреч я пригласила Афанасия Васильевича и попросила его выступить с лекцией о международном положении. Агитаторами у нас были учащиеся, которые учились на базе 10 классов (они работали исключительно добросовестно, обошли всех избирателей, пригласили их на лекцию). Да я ещё выступила по Колыванскому радио и пригласила избирателей на лекцию Афанасия Васильевича. Его все хорошо знали, так как раньше он преподавал математику в средней школе. Зал был полон. Лекция прошла блестяще. Ну как тут не вспомнить добрым словом такого человека? И уж, коль я заикнулась о работе агитпункта, то скажу и о таком факте. Учащихся-агитаторов я настраивала на том, чтобы они внимательно относились к избирателям, особенно к старым, нуждающимся в физической помощи. И когда они таких обнаруживали, то помогали всей группой: напилить, наколоть дрова, побелить дом, сделать уборку. Обнаружили они на нашем участке женщину – баптистку, которая категорически отказывалась голосовать. По хозяйству она от их помощи не отказывалась. Но голосовать так и не пошла. Она рассказала, как она попала в секту. Она – многодетная мать получила похоронку на мужа. Случилось так, что она тяжело болела, её положили в больницу. Лечению плохо поддавалось, изболелась душа о детях, которые остались одни.

И вдруг к ней в больницу приходят женщины с передачей и говорят: «Ты, сестрица, не беспокойся, дома у тебя тепло, дети у тебя накормлены, лечись спокойно». И пока она лежала в больнице, они заботились о ней и её детях. Она поправилась, вернулась домой к своим детям. И, конечно, велико было чувство благодарности к женщинам, которые ей помогли. И однажды приходят эти женщины с просьбой: «сестрица, разреши нам у тебя помолиться».

Так её дом стал молельным домом баптистов со времен войны. И моим агитаторам – комсомолкам начала 60-х годов не удалось её

Преподаватели Колыванского сельхозтехникума: Валентина Алексеевна Рабальчукова (а должна быть Рыбальчук), Александра Кирилловна Климова, Алла Дмитриевна Литвинова. Подруги 1959-1960гг.

С этими молодыми коллегами мы жили вместе

разагитировать.

Вернусь к вопросу о коллегах сельхозтехникума. Кумиром для меня была Зоя Владимировна Юшкова, преподаватель русского языка и литературы. Жизнь её не была коврами устлана. Но какая же она была выдержанная, благородная, интеллигентная, доброжелательная! И как будто нет вокруг никаких бурь, все хорошо и прекрасно. Она со всеми, приветливая, отзывчивая. Я бы очень хотела походить на неё, но это невозможно, такой надо родиться, родиться от людей, которые эту воспитанность получили по наследству, по генам. Мне лично она помогала выходить из трудных ситуаций, помогала в методике преподавания. Я ходила к ней на уроки, перенимала её методику. А главным образцом для подражания была её манера общения с людьми. У ней я бывала дома. Познакомилась с её мамой, которой было тогда за 80 лет. А её сестра Вера Владимировна была моим классным руководителем в 6 классе.

С молодыми преподавателями Александрой Кирилловной Климовой и Аллой Дмитриевной Литвиновой мы были подругами, один год жили вместе в доме, построенном техникумом. А когда они вышли замуж и уехали, на смену им пришли новые молодые Роза Федоровна и вторую, забыла, как зовут, хоть мы и жили вместе в том же доме.

Конечно, главную роль в формировании агрономов, плановиков-экономистов играли преподаватели спецдисциплин: Сатыга Александр Николаевич, его жена Закорко Вера Ивановна, Игнатенко Александр, завуч Иван Михайлович и др. Возглавлял коллектив директор Титарев Филипп Афанасьевич, фронтовик, заслуженный человек, был и председателем райсполкома и директором совхоза. Поработав уже в качестве директора техникума, год учился в Тимирязевской академии – очно. И проработал в техникуме всю оставшуюся жизнь.

Сельское хозяйство было в центре внимания политики Н.С. Хрущева. И в техникуме, готовящем кадры для сельского хозяйства, эта политика всегда обсуждалась. Приглашали и преподавателей из сельхозинститута и областного управления сельского хозяйства. Так что и о Лысенко и травопольной системе мы тоже кое-что знали. Нашего Сатыгу Александра Николаевича пригласили в сельхозинститут. Он год там проработал, но не понравилась ему жизнь в городе, вернулся в техникум, хоть это было не просто.

Как классный руководитель, я жила жизнью своих учеников. У нас была взаимная любовь. Все они были приезжие, жили в общежитии, некоторые на частных квартирах. Были серьёзно больные, несколько инвалидов. Но группа была очень дружная, работающая. Староста группы – Галя Казанцева – русская красавица, была милая, белокурая, с открытыми красивыми глазами, с косами ниже пояса, она из тех, кто «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Услышит, что у ребят (из училища механизации) заваруха начинается, бежит Галя на своих костылях (ногу ампутировали в детстве, так как вовремя не была оказана помощь после

перелома), заскакивает в круг ребят: «Мальчишки, вы что с ума сошли? Ну-ка, прекратите!» И все сразу успокаивались, ведь их об этом просила Галя.

Тамара Мишина – комсорг. Очень серьёзная, ответственная, уравновешенная, доброжелательная девочка. Витя Чикишев – скромный юноша, целинник. На целине потерял обе ноги. Ходил, танцевал на протезах. На 1 курсе работал вместе с группой в Кандауровском совхозе, работал трактористом. Наш Маресьев. А я узнала об этом только на 2 курсе, когда группа работала на уборочной в заготзерно в Колывани, лопатили зерно. Вот только тут мне девочки сказали, что Вите тяжело работать, так как он на протезах. Я ему встревоженно говорю: «Что же ты молчал? Ты же должен быть освобождён от такой работы». Он отвечает: «Как это я буду отдыхать, когда вся группа работает»? И продолжал работать.

А вот еще одна героиня – Валя Вяткина. Когда она поступила в техникум, была на ногах, нормально ходила, нормально училась, закончила 1 курс. На 2 курсе группа по собственной инициативе, без чьей-либо помощи подготовила концерт и поехала в Кандауровский совхоз, в котором работала на уборочной на 1 курсе. Видимо, соскучилась. Валя, поехала вместе со всеми. А транспорт — то - не комфортабельные автобусы, а обычная грузовая машина. Глубокая осень. В итоге Валя слегла, обострился туберкулез позвоночника. Она весь учебный год пролежала в больнице. Девчонки каждый день ходили к ней в больницу, носили конспекты, объясняли уроки. Преподаватели ходили, принимали зачёты и экзамены.

Я ездила в областной тубдиспансер, обращалась за помощью, чтобы добыть путёвку в специализированный санаторий. Таких было два в СССР: в Ульяновской и Калининградской областях. Официальным путём получить путёвку было невозможно. Мы написали коллективное письмо в оба этих санатория за подписью треугольника группы (староста, комсорг, профорг), классного руководителя, секретаря комитета ВЛКСМ, председателя профкома, директора и парторга техникума. И летом пришла путёвка из Калининградского санатория. Отец отвёз её туда. Через год девочка вернулась в техникум и успешно закончила его. Я уже уехала из Колывани. Она мне писала из санатория, где она перенесла успешную операцию, закончила там курсы бухгалтеров и швейные курсы.

Была девочка с остеомиелитом, который она получила после травмы на целине. Возила её в областную больницу, наверное уже на пятую операцию. Ещё одну девочку отвозила в психобольницу и ездила к ней на свидание. Никто об этом в техникуме не знал, кроме директора и завуча. Для всех - она лежала в областной больнице в нервном отделении с головной болью.

Были и более интересные события в группе. Нина Ганченко провела в группе политинформацию, рассказала о том, что в мире происходит. А закончила словами: «Валентина Алексеевна, я выхожу

замуж, приглашаю Вас и группу». Осталась я с ней после уроков и спрашиваю: «Сколько у вас с мужем денег на свадьбу?» Она назвала сумму, теперь уже не помню ее. Что-то в размере месячной зарплаты жениха – секретаря комитета ВЛКСМ училища механизации. Все ясно. Надо организовывать комсомольскую свадьбу. Был определен посильный взнос для учащихся. А преподаватели – по своему усмотрению. Пошла я к Филиппу Афанасьевичу просить разрешение устроить свадьбу в общежитии. Он отнёсся к моей просьбе доброжелательно. Разрешил на 1 этаже в комнате мальчиков (фактически это две комнаты, разделённые аркой), убрать кровати, провести свадьбу, чтобы в час тридцать ночи ребята уже могли лечь на свои кровати.

Пошла я в чайную, попросила дать посуду для свадьбы. Дали бесплатно. Лома не было.

Свадебное угощение готовили сами девочки, были среди них хорошие мастерицы. Я была посаженной матерью невесты. Свадьба прошла очень интересно, душевно. Все были, как одна семья. В час ночи я дала сигнал - расходиться. Все пошли гулять на улицу, остались только те, кто должен был разобрать свадебный стол, сделать уборку и расставить кровати. В час тридцать в спальне мальчиков был уже порядок, они легли спать.

Какой свадебный подарок мы преподнесли молодожёнам? Все самое необходимое на первый случай: кровать с никелированными спинками, электроплитку, кухонную посуду, ванну, таз, стиральную доску, не помню, что ещё, наверное постельные принадлежности.

В проведении этой свадьбы хозяйственными вопросами я почти не занималась. Все делали сами учащиеся. Это была прекрасная группа, дружная, работающая. Но в вопросах успеваемости было не все прекрасно. Однажды я заговорила об этом с Ниной Посоховой, которая приходила к моей хозяйке за молоком. Я спросила её: «В чем дело, почему в нашей группе успеваемость хуже, чем в параллельной группе, где работают те же преподаватели?» Она отвечает: «Мы знаем, что Вы - добрая, со стипендии не снимите и не исключите. А Людмила Петровна уже двоих исключила». Это был первый сигнал, который заставил меня задуматься о необходимости воспитывать в себе требовательность. Был и второй сигнал. Приезжала в город, встречаюсь с одноклассницей, а она близко знакома с одной моей учащейся заочного отделения, которой я за нулевые знания по истории поставила тройку, ещё не поднималась рука поставить двойку. Она моей Маше говорит: «Историю можно не учить, Валентина Алексеевна – добрая, двойку не поставит». На следующей сессии я этой учащейся поставила 2, несмотря на её мольбы. Это был первый шаг к требовательности.

Не помню точно, по окончании первого или второго года моей работы в техникуме ко мне на экзамен по истории в воскресенье приехала инструктор Обкома КПСС Тимонина Антонина Тимофеевна. С ней мы уже были знакомы в 1952 году, когда я начала работать в своём детдоме

пионервожатой, а моя бывшая воспитательница Людмила Петровна, ставшая в тот момент секретарём РК ВЛКСМ, решила взять меня в РК ВЛКСМ в отдел школ и пионерской организации и, несмотря на мои возражения, утвердила на бюро РК ВЛКСМ и в РК КПСС и отправила в Обком ВЛКСМ. Но инструктор Обкома ВЛКСМ Тимонина А.Т. проявила бдительность, не утвердила меня, так как я сказала в ответ на её вопрос, что мой отец арестован по линии НКВД.

Теперь у меня на руках была справка о реабилитации отца, без неё я не получила бы разрешение на преподавание общественных дисциплин в техникуме. Антонина Тимофеевна очень внимательно относилась к подбору кадров. Приехала посмотреть, какой из меня получился преподаватель. Экзамен показал, что знания истории у учащихся не блестящие. Стали анализировать итог, она спрашивает моё мнение, почему ответы слабые: или я плохо объясняю или недостаточно требовательна. Я сказала, объясняю я, наверное, нормально. Я уже достаточно хорошо владела материалом, на обзорных лекциях заочников пользовалась только программой по предмету. А весь материал (события, даты, имена, анализ) – в голове. А вот с требовательностью - проблема. Тимонина ответила, что требовательность приходит с опытом. Я поставила перед собой задачу и ее выполнила. Но уже когда я работала в Омском авиационном техникуме (1963 – 1978гг.). Уже действовал в стране принятый при Хрущеве Н.С. закон о всеобуче, по которому фактически запрещалось выставлять школьникам итоговые двойки и оставлять на второй год. По моему мнению, именно после принятия этого закона началось ухудшение качества школьного образования. А потом были ещё более страшные удары по системе образования - в итоге сегодня мы имеем малограмотное, почти не читающее молодое поколение, не знающее историю своего Отечества, культуру, литературу...

Но я работала в Омском авиационном техникуме, который готовил кадры для заводов, работающих на Космос. Нас не заставляли ставить тройки, когда надо ставить двойки. Нужны были знающие специалисты. Мы ежемесячно подводили итоги успеваемости. В первый месяц, как правило, в группе 60-70% учащихся имели двойки. Родители возмущались, ведь их дети в школе были хорошистами. Но преподаватели требовательности не снижали. Часть учащихся – двоечников, исключали.

В конце концов учащиеся начинали понимать, что их никто за шиворот к диплому не потащит. И начинали заниматься. Преподаватели работали самоотверженно, проводили неограниченное количество дополнительных занятий, никакого платного репетиторства у нас и в помине не было. Когда к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина была проведена министерская проверка техникума, она пришла к выводу, что здесь работают одни асы. И я не была исключением. И хоть я и работала в этом техникуме всего шестой год, но была в числе награжденных медалью «за трудовую доблесть» в честь 100-летия со дня рождения Ленина.

В этой обстановке я и стала очень требовательной, одной из самых

Занятие факультета «Международной жизни» в Омском авиационном техникуме

В.А.Федотова - зав.кабинета общественных дисциплин в ОМВИАТ, занявшем I место среди техникумов Министерства общего машиностроения СССР (1970г.) не по красоте (красивее был в Киеве), а по содержанию работы.

Фотография для доски почета. Изображаем сцену обсуждения реферата.
Омавиат.

требовательных в коллективе. На курсовых экзаменах у меня были и двойки. Ученики осознавали, что без знаний не проскочишь. К этому времени я уже научилась объяснять даже самые трудные вопросы политэкономии просто, понятно и интересно. У меня был такой случай, что в группе экономистов из 36 человек на госэкзамене 18 человек получили пятерки. А председатель ГЭК — директор завода, умнейший человек.

Так что Тимонина А.Т. оказалась права: требовательность приходит с опытом. В последние десятки лет требовательность не поощряется. У требовательных чаще всего бывают проблемы с администрацией, которой нужны для отчетности показатели высокой «качественной» успеваемости. Я это испытала на себе в школе г.Новосибирска, в которой я работала один год после того, как я уехала из Колывани. Были у меня проблемы и другого рода, которые вызвали острое недовольство руководства и в Колыванском, а потом и в Омском техникуме. В моей группе один вполне благополучный во всех отношениях ученик, не буду называть его фамилию, во время своих каникул заработал в своей деревне тюремный срок на 1,5 года: обматерил свою девушку по пьянке. А она была секретарем сельсовета, должностное лицо. Принципиальная. Подала заявление в суд. И хоть на суд они пришли под ручку, уже помирились, но дело было оформлено и доведено до конца. Парень был взят под стражу. Только после этого уже в сентябре приезжает мать этого парня и обращается за помощью. Администрация отказывает в помощи, она обращается ко мне — классному руководителю. Я готова, но мне запрещают. Секретарь комитета ВЛКСМ Ластовецкий объехал все хозяйства, в которых работают на уборочной наши учащиеся, проводит со всеми группами комсомольские собрания, которые поручают мне быть общественным защитником на областном суде. Мне чинили разные препятствия. Но я все-таки поехала, выступала на областном суде, в итоге парню сократили срок с 1,5 лет до полгода. Когда через полгода он приехал в техникум во всем новеньком, завуч ему сказал: «Ты должен упасть в ноги Валентине Алексеевне, поблагодарить её, она из-за тебя пошла на конфликт со всеми». В ноги он мне не падал и спасибо не сказал. Но я на него не была в обиде. Я была рада, что он на свободе. А в начале следующего учебного года он был избран секретарем комитета ВЛКСМ. Меня уже в Колывани не было. Это был хороший парень — уравновешенный, доброжелательный, шутник, очень уважаемый среди учащихся. А коль допустили его избрание секретарем комитета ВЛКСМ, значит, и администрация увидела, что он — человек хороший.

Более тяжелым был подобный случай у меня в Омском авиационном техникуме. Приходят ко мне две мамы, заплаканные, измученные горем: их сыновей, моих учеников, задержали, сидят в КПЗ. Просят меня пойти к следователю, помочь. Помочь нужно в течение недели, пока дело не передано в суд и прокуратуру, иначе суда не избежать. Еду к следователю, она мне рассказывает, что случилось. Парни

нетрезвые вели себя беспокойно на трамвайной остановке, их задержали дружинники, привели в штаб, укрощали их, у одного из моих нарушителей исчезла меховая шапка. Он лезет в драку, требует вернуть шапку, но тщетно. В итоге — КПЗ.

Первая моя реакция такая же, как у администрации техникума: заработали, пусть и отвечают. Но следователь меня уговаривает сделать что-нибудь, дать какую-нибудь бумагу, взять их на поруки. Да, они виноваты, совершили хулиганский поступок, заслуживают наказание. Но они ещё не бандиты. А если в тюрьме посидят, бандитами точно станут, они к этому предрасположены. Иду к директору, прошу созвать педсовет, чтобы обратиться за помощью. Педсовет отказывается брать их на поруки. Незадолго до этого сын одной сотрудницы был сильно избит и покалечен хулиганами. Так что к моим хулиганам и их матерям никакого сострадания нет. Снова еду к следователю. Она уговаривает дать ей хоть протокол какого-нибудь собрания.

Собираю собрание учеников и их родителей, почти в принудительном порядке — отцов моих хулиганов. Оба пьющие и в семье дебоширящие. Собрание длится 3 часа, пропесочили отцов-алкашей, закрепили за ними родителей других учеников, чтобы они взяли шефство над этими семьями. Это собрание берет на поруки хулиганов. Но на следующий день приказом директора парни были исключены из техникума. Положение оказалось безвыходным. Наш протокол не имеет силы. Все ученики и их родители в шоке. У меня в душе произошел переворот, я стала относиться к этому вопросу только с позиции матерей, я мучительно переживала, что не могу ничем помочь матерям спасти их сыновей от тюрьмы.

Утром прихожу на урок после бессонной ночи, с опухшими от слёз глазами. Вдруг - стук в дверь, выхожу — передо мной обе матери с сияющими улыбками. Я смотрю на них с недоумением: как можно улыбаться, когда их детям грозит тюрьма? А они со счастливыми улыбками говорят: «Суда не будет».. До меня не сразу доходит, что они сказали. Они повторяют снова и снова и объясняют, как все получилось. Когда все ученики пришли домой и сообщили своим родителям об исключении парней из техникума и о неминуемости суда, одна их родительниц взялась помочь. У неё знакомая работала в райисполкоме в комиссии по делам несовершеннолетних. Эта женщина сразу же написала бумагу — поручительство и сказала, что нужно их немедленно устроить на работу и на учёбу.

Я тут же прервала урок (у вечерников-заводских рабочих), пошла к начальнику отделения Иллариону Борисовичу с просьбой помочь с трудоустройством мальчишек. Он тут же пригласил начальника отдела кадров завода, который тоже был нашим учеником вечернего отделения. Он моментально принимает решение: можем дать справку, что они работают с сегодняшнего дня. И определил моих мальчишек учениками к Героям Социалистического Труда, у каждого — свой Герой. Так что сразу

Омавиат. Группа X-129.
Слева Саша Былинков, староста группы. Справа Витя Усов.

В кабинете общественных дисциплин. Лицом к зрителю сидит Сергей Швецов.

Надя Гапуненко-Полунина и Дима. Надя мечтала иметь многодетную семью.

Омавиат. X-129. Андрей Тетерев.

У меня над изголовьем кровати висит его картина, выполненная методом выжигания. На стене спальни закреплены часы, подаренные группой X-129. Антиквариат.

Омавиаг. Группа Х-129. Толя Муратов и Нина Грибова.

X-129. Самодетельный концерт на фестивале техникума. Победителями не стали, но посильное участие приняли.

они попали в хорошие руки. А лодырями они не были.

Илларион Борисович договорился с директором вечерней школы, чтобы год у них не пропал.

В школе они сразу стали лучшими в своём классе, так как у нас в техникуме давали хорошие знания, а один из них и у нас был хорошистом, а другой — троечником.

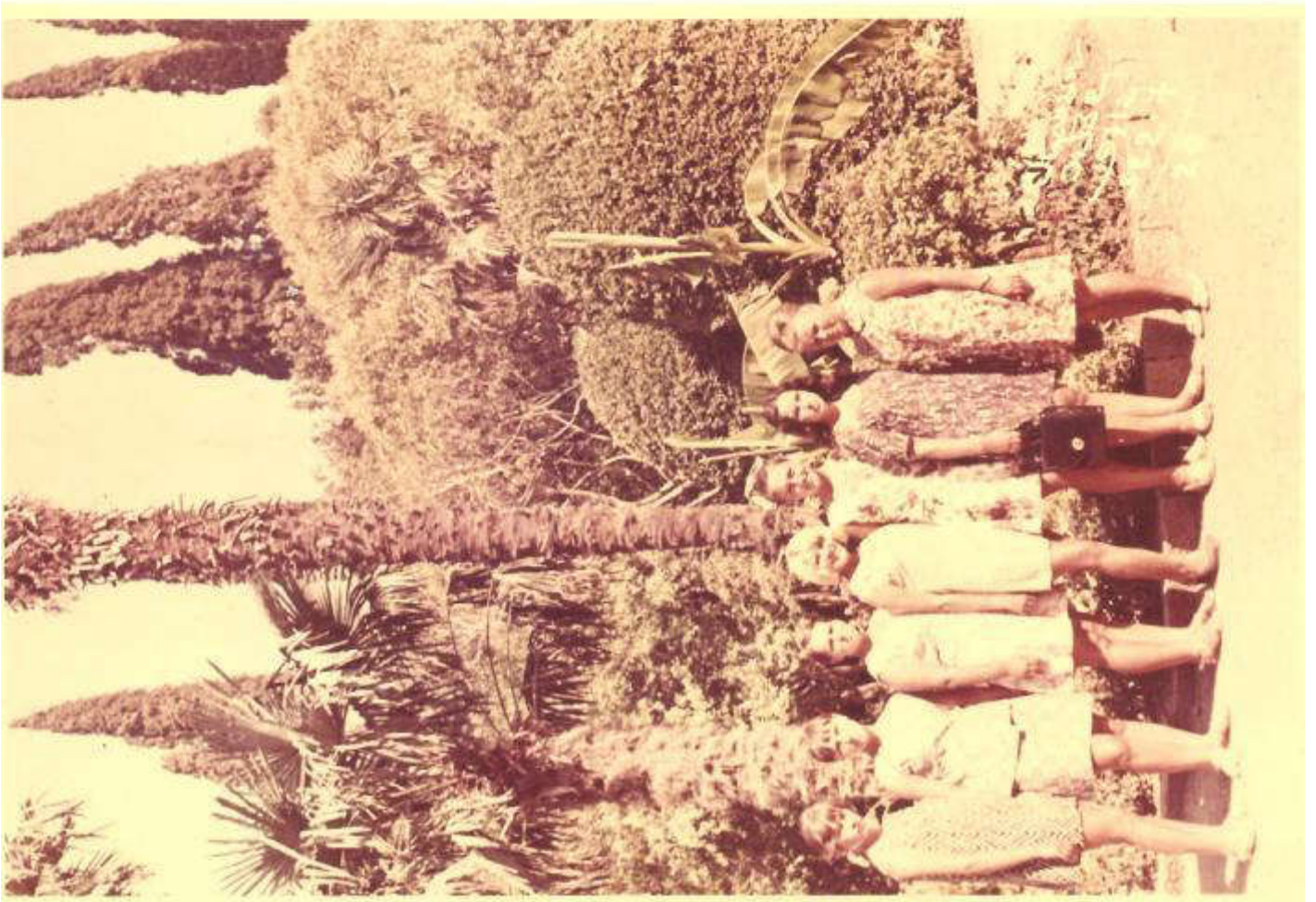
Так благополучно закончилось это очень трудное дело.

Эти эпизоды я описала, чтобы показать, что преподавателю мало хорошо знать свой предмет и умело передать эти знания ученикам, добиться от них хороших результатов. Но приходится решать и множество других проблем, за пределами своего предмета.

Так как я почти ежегодно ездила с учащимися на уборочную, то приходилось обращаться в милицию для обеспечения безопасности учащихся. А один раз пришлось спасти девочку от «жениха» - чеченца Лёши из Киргизии. Он влюбился в Нину и сказал ей, чтобы она собрала свои вещи, так как он хочет её похитить. Это и чеченский обычай и у киргизов такое бывает. А там был рядом казахский аул, где можно было скрыться — и никакая милиция не найдёт. О помощи меня попросил Толя — будущий муж Нины. Он попросил отправить Нину домой. Я забрала Нину с тока, увезла на попутной грузовой машине, нагруженной зерном, до Называевки (город в Омской области), посадила на первый поезд, идущий в Омск, попросила проводницу взять её под свою опеку. Через полчаса после того, как я увезла Нину, на зерноток явился Лёша на белой Волге. Понял, что опоздал. Вечером, подпитый, пришел в наше общежитие и говорит мне: «Вам удалось меня обмануть». Я предупредила его, что если я ещё узнаю, что от него исходит угроза кому-то из моих девочек, я сообщу в милицию, что он скрывается здесь от Киргизской милиции, которая разыскивает его — убийцу. Больше я его не видела.

Были и приятные поездки с учащимися. Из Омского авиатехникума я ездила в Крым, в совхоз Коктебель, трудовой спортивный лагерь «Юнга», рядом с посёлком «Планерское», палаточный лагерь на берегу Черного моря. Подъем в 5 часов утра, общая зарядка, в 5ч.30мин. - завтрак. В 5ч.45мин. Приходят автобусы и везут на работу (каждый по весу сдает собранный табак, фрукты..). В 14 часов мы уже в столовой. А дальше — свободное время: купаться, загорать, спать. Строго соблюдался «тихий час». Строгий контроль за выполнением плана, за соблюдением дисциплины. Начальник лагеря — полковник милиции из Москвы. Наш отряд — самый дисциплинированный и самый трудолюбивый. Этим всегда и везде отличались сибиряки.

Когда мы жили и работали в лагере, на горе Планерской шли съемки фильма о Королёве «Укрощение огня». Для массовки (запуск планеров с горы) взяли ребят из нашего лагеря. И невесту тоже нашли в лагере — девочка из Тульского сельхозтехникума. Когда представители съемочной группы приезжали в лагерь, чтобы подобрать «невесту», моих девочек в лагере не было: уехали на экскурсию.

Нашему отряду начальник лагеря разрешил совершить трёхдневную экскурсию по южному берегу Крыма с сохранением наших мест в палатках. Так что побывали мы в Гурзуфе, Алуште, Ялте, Алушке, Севастополе, а потом и в Бахчисарае и Симферополе.

И ещё одно исключение было сделано нашему отряду: разрешили организовать прощальный вечер, в том числе прощальный ужин. На этот вечер мы пригласили бывшего комиссара партизанского соединения юго-восточной части Крыма. Командиром этого партизанского соединения был Македонский. После войны, когда из Крыма выселили татар, греков и других иноверцев, Сталин разрешил оставить в Крыму только двух человек — грека Македонского и ещё одну женщину — татарку. Македонский стал директором совхоза «Коктебель». Мы его не застали, он скоропостижно умер от инфаркта в начале лета 1971г. А мы приехали в июле 1971г. Но комиссар был жив. С ним мы и провели встречу на прощальном вечере. А когда уже садились за столы, то хватились, что мы не получили паспорта у кастелянши, которая уже уехала в Коктебель. Наш гость дал мне свою машину с шофёром, и мы поехали с ним на поиски кастелянши. Нашли её на одной из танцплощадок, возвращаемся в лагерь. Ночи на юге очень тёмные, тьма кромешная. Но вот приближаемся к нашему лагерю, ярко освещённому. Смотрю — мои девочки сбились в кучу, как муравьи, что-то спешат сделать. Когда наша машина въехала, куча рассыпалась. А мне нужно срочно получить паспорта, завтра в 5 часов утра мы должны выехать из лагеря в Феодосию, чтобы сесть на поезд и ехать домой в Омск. Но тут у меня ещё забота. В совхоз «Коктебель» приехали директора винзаводов с Кавказа, по обмену опытом. В «Коктебеле» два винзавода, на одном из них мы побывали на экскурсии ещё до поездки по южному побережью Крыма. В совхозе шикарная гостиница. Но в этот момент в ней поселили партийно - правительственные делегации из Москвы и Киева во главе с Катусевым и Шелестом. И директоров винзаводов направили к нам в палаточный лагерь. А у меня 25 девушек на выданье, да ужин с горячительными напитками. Правда, я их весь учебный год, когда мы готовились к поездке в Крым, предупреждала, что в Крыму возможны встречи с Кавказцами. А они очень любят русских девушек. Для них это небезопасно. И вот — эта опасность рядом..

Мужчины попытались меня окружить вниманием, приглашают в гости в их палатку, обещают коньяки и вина на выбор. Мне в ту пору было 38 лет. Но у меня забота - обезопасить от такого внимания моих девчонок. Я за них головой отвечаю перед родителями. Мужчины заметили моё беспокойство и говорят: «Что вы так волнуетесь? Мы, Кавказцы, народ гостеприимный». Я отвечаю: « Я знаю, какие вы гостеприимные. Это-то меня и волнует».

Всё обошлось благополучно. Пока я проводила профилактическую беседу с мужчинами, мои девочки забаррикадировали входы в палатки:

внутри палатки у брезентовой двери ставили стол, на стол — стул, на него — ведро с водой. Расчёт такой, что в случае опасности будет шум, и все проснутся.

Но ничего не случилось. Все проспали до 5 часов утра. Встали, скоро подошёл автобус, погрузили вещи, у всех большой груз, в том числе по ящику с грушами и персиками, которые нам разрешили выбрать на складе. Больше никогда таких вкусных груш и персиков я не ела.

Из Новосибирского кооперативного техникума, в котором я проработала с 1978 по 1989 годы, я тоже дважды ездила с группами учащихся, с одной — в город-герой Волгоград (Сталинград раньше назывался — прим. Ред.), с другой — в Ленинград. Во всех трёх случаях эти поездки были поощрением для групп, признанных лучшими группами техникума.

Глава 6

Лекторская работа

У всех преподавателей школ и техникумов, возможно, более половины времени и сил уходит на внеклассную работу с учащимися и общественную работу за пределами своего коллектива. Я не была исключением. Я остановлюсь только на двух наиболее значимых, с моей точки зрения, видах моей общественной работы. В Омске это была лекторская работа. Там я была несколько лет внештатным лектором Обкома КПСС. Выступала по материалам партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, по вопросам идеологической борьбы, о культуре личности Сталина. Но больше всего — о международном положении.

Не буду описывать все мои поездки и выступления. Напишу о наиболее ярких впечатлениях. В один из 70-х годов, возможно, в середине 70-х годов, я приехала в совхоз, расположенный недалеко от Омска. Я даже название его помню, но называть не буду. Этот совхоз находился в ведении Министерства торговли, которое никаких средств не вкладывало в развитие хозяйства, а только всё, что могло, «высасывало».

Первое моё выступление было перед доярками после утренней дойки. Передо мной были измученные озлобленные женщины, с обветренными лицами, опухшими руками и ногами, обутыми в резиновые сапоги (это в разгар зимы). Начался разговор с их реплики: «Как это вы нам лектора привели?» Пошли жалобы на то, что условия труда тяжёлые, дойка ручная. Доят коров на морозе, ходят в резиновых сапогах по навозной жиже, в которой и дойные коровы стоят почти по колено. Зарплата низкая (рублей по 40), и выплачивается не регулярно. Парторг пытался женщин утихомирить, говорит, что лектор — это преподаватель, она ничего изменить в их жизни не сможет. После того, как женщины «Выплеснули» свою боль, накопившуюся в их душах, они уже доброжелательно прослушали мою лекцию.

Чуть позже была встреча с рабочими — мужчинами в цехе, где они занимались ремонтом с/х техники, готовили её к весенним посевным работам. Здесь повторился митинг — возмущение порядками в совхозе, открыто требуют убрать директора совхоза. Постепенно митинг закончился, и лекция состоялась. Рабочие не были избалованы и лекциями. Поэтому слушали с интересом.

После окончания лекции парторг познакомил меня с производством. Он показал мне коровник, построенный ещё в период коллективизации. В крыше большие дыры, в которые летом льёт дождь, а зимой — валит снег. Я воочию увидела своими глазами, что коровы стоят в навозной жиже и не мудрено, что все они больны туберкулёзом. Показал мне парторг и телятник. Тощие телята, многие не могут стоять, они почти висят в подставках типа ходунков для стариков, которые не могут ходить.

И только новорождённые телятки были сытые и ухоженные, у них сухая подстилка... Я вот думаю сейчас, зачем мне парторг всё это показывал? Может быть, он хотел меня познакомить с реальной действительностью, чтобы я увидела своими глазами, что рабочие возмущаются не зря? Возможно, хоть капелька надежды у него была, что я как-то подниму этот вопрос в райкоме партии. Но я не оправдала его надежды. Конечно, в отделе пропаганды и агитации райкома я рассказала обо всём увиденном и услышанном, о требовании рабочих убрать директора. Но я не написала докладную на имя секретаря РК КПСС, не обратилась в обком КПСС. Тогда бы быстрее и результативнее была реакция.

Через какое-то время я узнала, что директора всё-таки сняли.

Совершенно другое впечатление осталось у меня от знакомства с колхозом в этом же районе рядом с Ильинкой, где был «закрытый» завод оборонного назначения. Возможно, там было взаимовыгодное сотрудничество завода с колхозом. Рабочие «вредного» производства нуждались в качественных продуктах питания. Колхоз их обеспечивал хорошими продуктами. А завод — оказывал колхозу финансовую поддержку. Это были 70-е годы, когда в результате Косыгинских реформ 1965г. Заводы имели право часть своей прибыли использовать по своему усмотрению. Созданы были фонды экономического стимулирования, часть которых шла на создание профилакториев, пионерских лагерей... А почему бы часть их не использовать на сотрудничество с колхозом? Но это — мои домыслы.

А налицо — прекрасный, сухой, чистый, теплый коровник. Механическая дойка. Двухсменная работа доярок. Хорошая зарплата. Доярки — симпатичные, жизнерадостные, модно одетые женщины. Как будто другое государство. А ведь расстояние между этими двумя хозяйствами — несколько десятков километров.

Так в любое время, в любом месте очень важен человеческий фактор.

Командировки в сельскую местность для женщины иногда бывают не только рискованны, но и опасны. Быт не устроен. Гостиниц почти не было. Иногда и называется гостиница, но какая? В одном из хозяйств это барак. Во всех комнатах живут строители — мужчины. Я в отдельной комнате — одна женщина. Когда на следующий день ко мне заехал парторг, я его спрашиваю: «Вы не боитесь, что здесь меня могут в котлету превратить?» Он отвечает: «У нас могут. Но сегодня я отвезу вас в соседний колхоз. Там парторг — казах. Он гостеприимный. Он вас домой пригласит. Я же — хохол».

Но вопросы бытовой неустроенности уходят на задний план, когда встречаешься со слушателями, ощущаешь их заинтересованность. Помнится, в одной из деревень мне пришлось выступить с лекцией после концерта московских артистов. Никто после концерта не ушел. Приезжали на концерт и жители соседней немецкой деревни. Они половину лекции прослушали, но за ними приехал автобус, и они вынуждены были уехать.

На следующий день я приехала в их деревню. Начало лекции было назначено в 6 часов вечера. Приезжаю к назначенному времени, захожу в клуб — пол вымыт, печка натоплена, зал полон слушателей. Дисциплина идеальная. Говорю час, спрашиваю: «Ещё рассказывать?» Тишина. Говорю ещё час. Никто не шевелится. Я продолжаю.

Парторг совхоза говорил: «По тому, как немцы идут на службу в свою лютеранскую церковь, можно часы проверять, настолько они пунктуальны.» Урожай собирали они раньше всех и шли на помощь в другие деревни. Но если вдруг нечаянно впереди окажется русская деревня, другим не поможет. Это я пишу со слов парторга.

Читала я лекцию в этом же совхозе ещё в одной — русской деревне.

Клуб всю зиму закрыт на замок. И вот в назначенное время клуб открыли, не топлено. Но зал полон. Все в зимней одежде, в том числе лектор. Слушателям интересно узнать что в мире происходит. Поэтому мёрзнут, но не расходятся.

Здесь речь идёт о совхозе «Победитель» Кормиловского района. Я знала об этом совхозе еще когда работала в Колыванском сельхозтехникуме. В этом совхозе работала прославленная на всю страну Герой Социалистического труда свинарка Татьяна Перешивко. Парторг мне рассказал, что Татьяна действительно была хорошей работницей. Но при всём желании она не могла выполнять тот объём работы, который её приписывался. Совхозу было выгодно иметь Героя Социалистического Труда, тогда и финансирование будет получше и вообще больше будет внимания хозяйству. Вот и сделали из Татьяны Героя. Приписывали ей объём работы, который выполняли её родственники.

Когда я была в этом совхозе, Татьяна уже не жила в нём. Она закончила заочно сельхозинститут и уехала в Тюменскую область.

В последний раз я выезжала с лекциями в качестве лектора Обкома КПСС, наверное, в июне 1977г. На этот раз я попросилась подальше на север, так как я соскучилась по настоящей тайге. В Омской области природа беднее, чем в Новосибирской и Томской областях. Меня направили в самый северный — Усть-Ишимский район. Туда плыть надо на «Ракете» 13 часов по Иртышу. Это был период весеннего половодья. Иртыш разлился, крайняя улица в Усть-Ишиме была затоплена водой. Между домами плавали на лодках.

В первый леспромхоз меня повёз секретарь райкома партии на моторной лодке. Здесь я выступила с лекцией по местному радио. А вечером — в Доме Культуры. Дальше меня перевозили и на тракторах с высокими колёсами, так как машины не могли пройти из-за половодья, и на лодках — через реку. Здесь приходилось выступать и в чисто татарских деревнях. Меня парторг хозяйства предупредил, чтобы я не упоминала Ермака, так как там жили потомки татар Кучумского ханства. Имя Ермака было для них ненавистно. Мне довелось ночевать в доме, где жила татарская семья. В доме полно ребятишек, но тишина и покой. Даже

грудничок спокойный. А утром все тихо встают, наводят порядок. Бабушка уже вскипятила самовар. По очереди садятся пить чай — и все равняются по своим делам.

В клубе я с лекцией выступила. И не помню уж, почему я выступала на берегу Иртыша, куда пришли все жители села. Это было днём. Погода прекрасная. Чистый воздух. Река. Настроение хорошее. Я рассказываю, народ слушает. И длится это три часа. Ещё одна трёхчасовая лекция была, когда я с рабочими леспромхоза ехала на дрезине к месту их работы. Дрезина шла по узкоколейной железной дороге через самый длинный в мире деревянный мост на сваях. Приехали на место, где рабочие «валят» лес. Рабочие выходят в резиновых сапогах и направляются на работу. А я не могу выйти из вагона, так как я в туфлях. Ну как же я приехала из города нефтехимии, оказалась в глухой тайге и даже не ступлю хотя бы на кочку болотную? Повар дала мне свои резиновые сапоги, и я походила по болотным кочкам. Кругом туча паутов, но я так рада, что оказалась в тайге, наслаждаюсь её воздухом, что и пауты меня не испугали, они пощадили меня, ни один не укусил. Не испортили праздник моей души.

Я уже наговорилась вволю, охрипла. А мне ещё нужно ехать в один леспромхоз. Мои напарники по лекторской группе уже выполнили свой план и едут со мной за компанию. Нас везёт на моторной лодке парторг леспромхоза. Я прошу моих коллег, чтобы кто-нибудь из них выступил за меня. Но парторг возразил, говорит: «Люди Вас ждут». И пришлось мне, где шёпотом, где хрипом рассказывать людям о событиях в мире. Народ сидит и слушает.

Я с удовольствием вспоминаю эти встречи с людьми. Приятно осознавать что ты делаешь полезное для людей дело.

Когда я переехала в Новосибирск и работала в кооперативном техникуме, с лекциями я продолжала выступать, но эпизодически. Это не было главным видом моей общественной работы. Здесь Обком партии использовал меня для другой работы. Но об этом — отдельный вопрос.

Валентине Алексеевне 12/XI-77г.

25... Ведь это четверть века.
Пробден путь и трудный, и большой.
Это века в жизни человека,
Высеченная душой.

Четверть века с той поры минуло,
Как девчонка из таежного села,
Детский дом покинув, в мир шагнула,
На простор, куда вела судьба.

"Колывань" угнала быть правдивой,
"Трезвительной" к людям и себе.
"Колывань" угнала быть трудолюбивой
И нести добро родной Земле.

25... Шагли год за годом,
Возмужала, расцвела Страна.
Вношу с трудовым народом
Шла девчонка из таежного села.

Те заветы матери-Отчизны
Свято выполняя и любя,
Шла девчонка правильно по жизни,
Провещению посвятив себя.

25 спомнейших лет сражений
За расцвет и красоту Земли.
Возмужали сильным поколением
Дети, не забывшие войны.

И девчонка стала коммунисткой,
Верной дочерью Страны своей,
той Страны, где небо чище
Над счастливым будущим детей.

Да... твоя судьба - судьба народа,
самого мощного на всей Земле,
перенесшего лишения много,
выстоявшего в борьбе!

Мы сегодня отмечаем веку
На пути значительном твоем.
Будь и впредь таким же Человеком,
И от нас прими земной поклон!

Гарин

Будь счастлива,
Валечка,

в родном

Новосиби́рске!

Валентине Алексеевне

Федотовой

От Макеевой Анны Федоровны

Отский Авиацониии техникум и.о. Н.Е.

Муковского. Август 1978 год.

Напутственное слово

Новосибирский лес шумит
В Базой дорожку укрывая,
Зовет, всю жизнь к себе зовет
Маячиньи края - земля родная.

Любовь твоя к своей земле
Сильней сомнений, трудностей
отъезда.

Там жила! Там воздухом
дышала -
- Где беспризорно проходило
детство.

И сожалея ты о том, всем
коллективом уважая,

Тебе добра, любви большой,
Здоровья, счастья желает!

И погрузить в контейнер вещи
И тебе придет, сурьбой шумя,
Чтоб на душе при расставании
теплее было у тебя!

Уходишь ты - для нас потеря;
Как трудолюбия пример.

Для первых мест по рефератам
оставь побольше нам задел.

Мы лекции твои любили,
Непревзойденной ты была,
И пусть тебя в пути
согреют

Все наши теплые
слова!

предсовет - 31 августа 1978г. Макаев

и все аплодисментами
присоединившись.

Федотова Валентина Алексеевна, урожденная Рыбальчук

И мы пишем историю

Были времена, когда се-добородные летописцы (и мы почему-то всегда их так представляем) большими гусиными перьями неумоимо писали историю. Историю жизни государства, города, великих людей. И спроси сейчас любого из нас год возникновения Омска, каждый заученно ответит и, может быть, даже вспомнит имя его основателя. А хотелось ли кому-нибудь самому стать летописцем?

Вот поэтому, когда Валентина Алексеевна Шедотова, преподаватель общественных наук авиационного техникума им. Жуковского, предложила учащейся 2-го курса Любе Пеньковой тему для реферата «Прошлое и настоящее города Омска», она согласилась не задумываясь. Согласилась и... растерялась — тема настолько объемна и в одиночку неохватна, что без соавторов хоть брось. Ее подруги по группе, будущие приборостроители, Таня Рыбалова и Тамара Горшкова, тоже взяли в руки по «гусиному перу». И начались поиски. Ворохи пожелтевших газет, кипы старых и новых книг о градостроительстве, экономике, культуре Омска, много часов, проведенных в краеведческом музее, в статистическом управлении, на заводе, «Горзеленстрое», драматическом театре и даже у Галимы Шугуровой дали все больше и больше интересных фактов, находок. Пусть и без сенсационных

открытий, зато радовала каждая неизвестная раньше деталь. Увлеченность не бывает бесплодна, и весной на городском конкурсе рефератов по общественным наукам среди средних специальных заведений, работа девушек была признана одной из лучших и способной к соперничеству на Всесоюзном конкурсе.

Летом наши «летописцы» надели стройотрядовские куртки и уехали с «Омичкой-77» в Краснодарский край, но то и дело заходил разговор о реферате: тре-

вожились... А в октябре они уже отправились в Москву, для получения награды. И вместе с ними еще четверо ребят из Омска заняли призовые места в конкурсе. Вообще, по стране победителей было много — целых четыреста человек. Каждому вручили диплом. Кто же они, наши лауреаты? Это Валерий Никитин (тема реферата «Экономическое соревнование двух систем») и Николай Копылов («Снонизм — враг народов») из авиационного техникума,

Наташа Лисина («Мы строим БАМ») * из техникума транспортного строительства, Нина Волокитина («Комсомолец города Омска в годы Великой Отечественной войны») из медучилища № 3.

Но сегодня у нас в редакции только Люба Пенькова и Таня Рыбалова (вы их видите на снимке). Остальные призеры на производственной практике, а Наташа Лисина проходит ее на Байколо - Амурской магистрали и, возможно, станет ее постоянным историком.

И. КОЗУЛИНА.

Фото В. МАЙБЕРА.

Глава 7

Работа в методсовете преподавателей общественных дисциплин техникумов области

Когда я поступила работать в Новосибирский кооперативный техникум преподавателем политэкономии, меня директор техникума Проценко М.Я. направила для утверждения к инструктору Обкома партии Тимониной А.Т. Она мне задала вопрос, участвовал ли мой Омский авиатехникум во Всесоюзном конкурсе творческих работ по общественно-политической тематике. Я ответила, что пять учащихся нашего техникума стали лауреатами Всесоюзного конкурса, они ездили в Москву на Всесоюзную конференцию. Тимонина тут же включила меня в методсовет преподавателей общественных дисциплин техникумов области (59 техникумов). Моей постоянной обязанностью стало проведение таких мероприятий: пресс-конференции, беседы обозревателей за круглым столом и другие формы работы, встречи с интересными людьми на областных семинарах преподавателей общественных дисциплин.

Но самой трудоёмкой была работа в качестве председателя областного оргкомитета по организации Всесоюзного конкурса. Моя задача была: мобилизовать все техникумы области на участие в конкурсе. Это и разработка и распространение документации, посещение техникумов с целью проверки, как идёт работа. И, конечно, проведение конкурса в своём техникуме. Я всегда старалась найти перспективную тему и перспективного автора, с которым работала индивидуально в течение двух лет (каждый конкурс длился два года). Первый тур конкурса проходил в техникуме. Заканчивался общетехникумовской конференцией и направлением трёх лучших рефератов на областной тур. Лучшие рефераты всех техникумов поступали в областной оргкомитет, который в последних двух конкурсах я возглавляла. Так что кабинет общественных дисциплин кооперативного техникума превращался в штаб-квартиру областного тура конкурса. Оргкомитет формировал жюри, в которое включали и вузовских преподавателей для обеспечения беспристрастного решения и подведения итогов конкурса. Со всех рефератов снимали титульные листы, шифровали рефераты и передавали членам жюри на рецензирование. Особенность VI и VII Всесоюзных конкурсов была в том, что Областной оргкомитет должен был от имени Всесоюзного комитета выделить лучшие работы (для нашей области максимальная цифра была 5), наградить их дипломами и только самый лучший отправить в Москву. Итоги областного тура подводились на областной конференции, которая проводилась в торжественной обстановке с итоговым докладом, выступлениями лауреатов, вручением наград, концертом одного из творческих коллективов средних специальных учебных заведений (культпросветучилище, театральное училище, кооперативный техникум). Пока инструктором обкома КПСС по техникумам была Тимонина А.Т., всё

было организовано на высшем уровне. Она и директоров техникумов привлекала к этой работе. И мне, как председателю оргкомитета приходилось выступать на совете директоров по вопросу проведения конкурса.

Конференция и по итогам областного тура VII Всесоюзного конкурса проводилась уже без Тимониной А.Т. и, следовательно, без использования административного ресурса. Качество мероприятий было хуже.

Я хочу особо сказать слова признательности Тимониной А.Т. за её неравнодушие, энтузиазм и организаторский талант.

Считаю, что Новосибирскому Обкому ВЛКСМ, а потом и Обкому КПСС повезло, что в их больших коллективах одним из членов была Тимонина А.Т. Я впервые познакомилась с ней в 1952 году, когда она проявила бдительность и не утвердила решение Колыванского бюро РК ВЛКСМ о назначении меня заведующим отделом школ и пионерской организации района.

Вторая встреча была в 1960 или в 1961 году, когда она в воскресный день приехала в Колывань, чтобы присутствовать у меня на экзамене по истории в сельхозтехникуме. Она терпеливо просидела весь экзамен, выслушала далеко не блестящие ответы моих учеников. А потом в спокойной, доброжелательной обстановке старалась выяснить мою точку зрения на причины слабых ответов: или я плохо объясняю или недостаточно требовательная. И когда я сказала, что причина вторая, она меня успокоила, что требовательность с опытом придёт. Так оно и получилось.

Возвращаюсь к вопросу о Всесоюзных конкурсах творческих работ по общественно-политической тематике среди техникумов.

Итоги 3-го тура конкурса подводились на Всесоюзной конференции. Мне довелось участвовать в работе трёх Всесоюзных конференций: в Таллине в январе 1983 года, в Ульяновске 28-30 января 1985 года и в Москве – накануне 70-летия Октябрьской революции в 1987 году.

В Таллине, в ту пору столице Эстонской ССР, в аэропорту делегатов встречали работники ЦК комсомола Эстонии, доставляли к месту проживания. Научных руководителей дипломов I степени поселили в гостинице, всех остальных вместе с учащимися – в общежитии техникума.

Открыл конференцию представитель ЦК ВЛКСМ. С приветственным словом выступила член ЦК компартии Эстонии Маркелова Валерия Васильевна. После неё с докладом выступает первый заместитель министра высшего и среднего образования Мохов Николай Иванович.

Он говорил коротко о международном и внутреннем положении страны, о задачах высшего и среднего специального образования, о необходимости готовить не только хороших специалистов, но и идейно убеждённых людей, способных принимать самостоятельные решения.

Подробно докладчик рассказывает об итогах IV Всесоюзного конкурса творческих работ, отмечает рост числа участников конкурса. Далее идут выступления авторов лучших рефератов на пленарном заседании.

«Вручаются героям ордена»

-реферат подготовлен в Московском торгово-экономическом техникуме, научный руководитель – военрук, участник Великой Отечественной Войны. Реферат - результат работы группы «Поиск» за 10 лет. Про боевой путь дивизии, сформированной в здании, в котором находится техникум. Реферат о тех героях, которым не были по какой-то причине вручены ордена, и о тех ребятах, которые нашли этих героев. Восстановлены судьбы 432 фронтовиков, не получивших наград. Благодаря ребятам из группы «Поиск», героям вручены ордена.

Я счастлива, что сегодняшняя молодёжь чтит память защитников нашего Отечества, как и в те времена, когда был СССР и комсомол. Ежегодно поисковые отряды ведут раскопки на местах боёв, находят останки погибших, удаётся иногда установить личность погибшего и отправить останки на Родину для почётного захоронения. Чаще всего эти люди считались пропавшими без вести. Их семьи не получали никакого пособия от государства, как семьи других фронтовиков, на которых приходили похоронки.

Особенно ярко продемонстрировало патриотический подъём нашего народа грандиозное празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной Войне. А наш «Бессмертный полк», в котором в 2015 году приняло участие в России 12 миллионов человек, ошеломил и напугал наших западных противников. Они организовали беспрецедентную травлю нашего президента Путина В.В. за то, что он поднял Россию с колен, вытаскивает её из болота, в котором она оказалась в результате развала СССР.

Но возвратимся к Таллинской конференции.

Меня потрясла история современного по тому времени корчагинца, о котором написали братья Казанцевы из Липецкого горно-металлургического техникума. Они написали реферат об инженере – металлурге Воропаеве, закончившем техникум в 1932 году.

Воропаев Василий Алексеевич, будучи опытным инженером-металлургом, рассказывал о заводе экскурсантам. Вдруг увидел грозящую всем опасность. Шла раскалённая металлическая заготовка. Он крикнул, чтобы люди отскочили. Но среди грохота металла его никто не услышал. Он раскрыл руки, закрыв собой экскурсантов. Почувствовал острую боль в лице, мгновенно погас свет. Долго лечился, перенёс несколько операций. Но ночь не отступила, ослеп навсегда. Как теперь жить? Получать пенсию по инвалидности, пользоваться услугами близких? Значит, нет теперь инженера Воропаева, прошедшего 130 плавов? Но не таков был Воропаев. С помощью близких изучил много технической литературы. Написал и защитил кандидатскую диссертацию, написал несколько научных работ, сделал научные открытия, способствовавшие совершенствованию технологии выплавки стали. По старой технологии плавка длилась 23-24 часа, в результате внедрения его изобретения она сократилась до 10-12 часов, а потом до 8-10 часов.

Выступил и герой реферата Воропаев Василий Алексеевич, который был гостем конференции.

Вот с такими интересными людьми мы встречались на конференции.

Были и другие интересные выступления. После окончания всех выступлений было награждение авторов дипломами I, II, III степени и очень хорошими книгами В. Пескова.

Объявлено о начале V конкурса, посвященного 40-летию Победы Советского народа над фашистской Германией и 60-летию присвоения Комсомолу имени В.И. Ленина.

V Всероссийский конкурс был посвящён 60-летию присвоения Комсомолу имени В.И. Ленина и 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной Войне и проводился в 1984-1985 гг.

Итоговая конференция проходила в Ульяновске 28-30 января 1985 года.

Эта конференция произвела на всех неизгладимое впечатление. Во-первых, все участники конференции были очень хорошо устроены в лучшей гостинице города «Венец», напротив Ленинского мемориала. В числе организаторов конференции были заместитель министра высшего и среднего образования Мохов Николай Иванович, начальник отдела преподавания общественных дисциплин в средних специальных учебных заведениях Министерства высшего и среднего специального образования СССР Ермишин И.Е., Соловьёва М.А. – заместитель начальника Управления преподавания общественных наук Минвуза РСФСР, секретарь ЦК ВЛКСМ Жиганов, другие работники ЦК ВЛКСМ, секретарь Ульяновского обкома КПСС Сверкалов Владимир Николаевич, ответственные работники Обкома КПСС и Обкома ВЛКСМ.

Было такое ощущение, что мы находимся на партийном съезде. Штаб конференции работал почти круглосуточно. Ещё до конференции заслушали многих авторов, выбрали лучших, за ними прикрепили кураторов из Минвуза, которые их готовили к выступлению на пленарном заседании.

Открыл конференцию секретарь ЦК ВЛКСМ Жиганов. С приветствием выступил секретарь Ульяновского Обкома КПСС Сверкалов Владимир Николаевич. Он начал так: «Под священными сводами Ленинского Мемориала собрались лучшие парни и девушки средних специальных учебных заведений страны. Победители Всесоюзного конкурса творческих работ. Горячо и сердечно приветствую вас в Ульяновске на родине В.И. Ленина».

Далее он рассказывает о своём городе, области, говорит страстно, горячо, эмоционально. После Сверкалова В.М. с докладом выступает Мохов Николай Иванович, заместитель министра высшего и среднего специального образования, председатель Всесоюзного оргкомитета конкурса творческих работ. Он, как и все члены Всесоюзного оргкомитета прочитал все 40 рефератов, награждённых дипломами I степени. Заинтересованным, страстным было его выступление, он сопереживал авторам рефератов, влюблённым в своих героев. Он сказал: «Особенно тёплые слова хочется сказать об Ирине Кнуренко, учащейся техникума лёгкой промышленности г. Новосибирска». А далее он подробно говорит о работе Ирины Кнуренко

«Всегда в строю», научный руководитель Карлова Сталина Анатольевна. Герой реферата – председатель колхоза «Сибирь» Татарского района Новосибирской области, Герой Социалистического труда Демиденко Владимир Григорьевич. Это любимый герой Сталины Анатольевны. Вместе с её отцом Владимир Григорьевич уходил на войну. Отец не вернулся с войны, погиб в Сталинграде. А Демиденко вернулся, стал председателем колхоза. Как мог, помогал семье фронтовика. Уважение к нему Сталина Анатольевна передала своей ученице - Ире Кнуренко.

Ире первой среди лауреатов было предоставлено слово на пленарном заседании. Она выступала с такой страстью, с таким эмоциональным накалом, что зал оцепенел. Казалось, что дышать перестали. У многих в Президиуме, в том числе у Николая Ивановича были слезы на глазах. Я просто рыдала. Сталина Анатольевна окаменела от волнения.

Тут же был объявлен перерыв: невозможно было кому-нибудь выступить сразу после Иры. Весь президиум окружил Новосибирскую делегацию. Поздравляли Иру, а за одно и нас с блестящим выступлением Иры. И в дальнейшем наше делегация была в центре внимания. Добавило внимания к ней и моё выступление на секции организаторов конкурса (работники ЦК ВЛКСМ, Минвуза СССР, представители методкабинетов, преподаватели – научные руководители конкурсных работ).

Я выступила после представителя ЦК ВЛКСМ Кузнецова (заведующего отдела студенческой молодёжи). Во-первых, от имени своих коллег я выразила благодарность Минвузу СССР, ЦК ВЛКСМ, Ульяновскому Обкому КПСС за прекрасно подготовленную конференцию, которая для нас является большой и нужной школой. Во-вторых, высказала пожелание, чтобы такие конференции и впредь проводились (но они больше не проводились). В-третьих, рассказала об опыте проведения конкурса в нашем техникуме. Здесь я написала сухие слова, а на самом деле моё выступление экспромтом было таким эмоциональным, ярким, что во время перерыва журналисты из разных изданий окружили меня, просили текст выступления. Но текста у меня не было.

По предложению ЦК ВЛКСМ, руководителя секции, секция поручила мне выступить на заключительном пленарном заседании конференции. Работники ЦК ВЛКСМ благодарили новосибирцев за то, внесли эмоциональный заряд в ход конференции.

Да и в докладе Мохова Н.И. отмечалось, что никто, кроме москвичей, не имеет столько дипломов, как новосибирцы.

В первый день конференции во второй половине дня было организовано фотографирование в Ленинском Мемориале. Здесь представлена фотография секции организаторов конкурса (работники Минвуза СССР – Мохов Н.И., Ермишин и другие работники ЦК ВЛКСМ и преподаватели – научные руководители конкурсных работ, среди них Федотова В.А. – 2 ряд справа, Карлова С.А. – 3 ряд шестая справа. Руководители: Мохов Н.И. – 1 ряд крайний справа, секретарь ЦК ВЛКСМ Жиганов – 1 ряд шестой справа, Ермишин – 2 ряд второй справа, Кузнецов –

за ним).

По итогам VI Всесоюзного конкурса не было такой конференции, как в Ульяновске. Пригласили в Москву только авторов рефератов, удостоенных дипломов I степени (одного автора от области) и научного руководителя этого автора. От нашей области был Кузин Николай, автор реферата «Мир отстояли и мир защитим» и Федотова В.А., приглашена была и Карлова С.А. Её автору был дан диплом I степени решением областного оргкомитета, но без приглашения в Москву.

В Москве не было такого радушного приёма, как в Ульяновске. Мы прибыли в указанную гостиницу в 9-30 утра. Но там не было наших списков. И мы 12 часов, полсутки, просидели в вестибюле в ожидании размещения. К ночи, с трудом нам удалось добиться размещения в номерах. Это было 29 октября в день рождения Комсомола. Работники ЦК ВЛКСМ были заняты праздничными мероприятиями.

На следующий день нас пригласили на итоговое мероприятие. Это было рабочее обсуждение того, как в той или иной области проводился конкурс, какие были проблемы. Обсуждение было организовано в двух местах: для руководителей одно место, для учащихся средних специальных заведений и студентов ВУЗов – в другом месте. Кузин Николай послушал выступления авторов из других областей, их жалобы на то, что конкурс проходил формально, скучно, пришёл к выводу, что у нас в Новосибирске конкурсы проводятся идеально.

В 1988-1989 гг. был проведён VII и последний Всесоюзный конкурс. Мы в Новосибирске провели его, как и предыдущий, завершили областной конференцией и отправили в Москву признанный лучшим реферат «Жизнь и подвиг Якова Тихоновича Новиченко». Я, как всегда, искала перспективную тему и нашла: узнала о такой героической личности, как Нововиченко Я.Т. Далее стала искать перспективного автора, среди учащихся искала и земляков. И нашла. В одной из моих групп училась Оля Болух, которая тоже родом из села Травное Доволенского района, мало того, она с 1-го по 10-й класс училась в одном классе с внучкой Якова Тихоновича Людмилой, всю жизнь были подругами. А в 7 классе она уже писала реферат о Якове Тихоновиче. И вот начало реферата.

«Наверное, у каждого в жизни есть любимый герой, на которого хочется походить, которому хочется подражать. Мой герой — не из литературного произведения, не придуманный. Он из жизни. Он самый обыкновенный человек, каких много вокруг, каких мы порой не замечаем. Это мой односельчанин Яков Тихонович Новиченко. Его жизнь мало чем отличается от жизни большинства его ровесников. Он рос и мужал со всей страной, участник коллективизации, свидетель индустриализации, защитник Родины в годы Великой Отечественной Войны. Такое можно сказать о многих. Но он ещё и Герой Труда Корейской Народной Демократической Республики. Это звание он получил в мае 1984 года за подвиг, совершённый им 1 марта 1946 года в Пхеньяне, спасший жизнь Ким Ир Сена и других членов правительства Северной Кореи и представителей Советского

командования, которые были тоже на правительственной трибуне». Высокое звание нашло Героя через 38 лет после подвига. Поэтому он прожил жизнь безвестного Героя, не избалованного вниманием и льготами. Когда он рассказывал своим землякам о своём подвиге, к нему относились с недоверием, над ним подшучивали. Говорили, что если бы он такое совершил, то был бы Героем.

В 1984 году Ким Ир Сен с целью улучшения Советско-Корейских отношений ехал спец.поездом через весь Советский Союз в Москву. Перед поездкой он дал задание своему посольству найти Новиченко Я.Т. и организовать с ним встречу. Эта встреча состоялась на перроне Новосибирского вокзала, а потом и в Обкоме КПСС. И получил Яков Тихонович приглашение от Ким Ир Сена приехать в Корею со всей семьёй.

Что за подвиг совершил Новиченко, о котором хоть и через 38 лет вспомнил Ким Ир Сен?

1 марта 1946 года в Пхеньяне состоялась многотысячная демонстрация и митинг по случаю мартовского антияпонского восстания в 1919 году и дружбы Советского и Корейского народов. В 11 часов утра начался митинг. Выделенным для охраны и наблюдения за порядком на площади взводом командовал младший лейтенант Новиченко. Расставив подчинённых и отдав последние распоряжения, он поднялся на нижнюю площадку. С группой наших офицеров он стоял у трибуны, где находились партийные и государственные руководители Северной Кореи, представители Советского военного командования.

Митинг уже подходил к концу, Яков оглянул толпу и увидел, как откуда-то вырвалась и полетела в трибуну граната. Размышлять было некогда. Новиченко рванул вперед и в прыжке правой рукой перехватил её. Не знает он, как вышло, только крепко прижал он гранату к себе, повалился на неё, гася разрушительный взрыв всем телом. Тут и рвануло. Помнит: рвануло больно, ослепило огнём, оглушило взрывом, но сознание не потерял. К нему подскочили люди, подняли, понесли в госпиталь. Там хирург капитан Мотренко налил ему стакан водки и под этим «наркозом» начал его клеить да штопать. Осколков в Якове Тихоновиче, говорят, было несметное количество: и в груди, и в почках, и в голову металлом ударило. Кисть правой руки оторвало совсем, а вот живот на его счастье не повредило, спасла книга «Брусиловский прорыв», которую он засунул под ремень.

Лечили Якова советские и корейские врачи. Они сделали всё, чтобы спасти младшего лейтенанта. Молодость и искусство врачей победили. За свой подвиг Я.Т. Новиченко указом Президиума Верховного Народного Собрания КНДР 22 февраля 1949 года был награждён орденом Государственного Знамени III степени.

Командующий армии генерал-полковник Чистяков при посещении в госпитале Якова Тихоновича сказал, что его представили к званию Героя Советского Союза. Но то ли документы затерялись, то ли предложение не было поддержано. Никакой награды не последовало. Только в 1951 году он был награждён советским правительственным орденом Боевого Красного

Знамени за активное участие в боях за освобождение Кореи.

Но Якову Тихоновичу выпало счастье вернуться домой живым после восьмилетней службы. А счастливая Мария Евменовна поджидала мужа. Приготовила угощение — картофельные пряники, чай, заваренный травами. Хлеба не было: в 1945 году урожай в колхозе «Непобедимый» составил: рожь — 2 центнера с 1 га, пшеница 1,5 центнера. Так что в год Победы колхозники ничего не получили. Но это не омрачало праздника: после долгой разлуки вернулся любимый муж! Что ж из того, что покалеченный? Главное живой человек. И были то слёзы горя и радости. Сколько было пережито каждым из них за эти долгие 8 лет разлуки! И все-таки это были слёзы радости: вернулся Яков. Теперь будет легче. Однако нелегко было начинать новую жизнь инвалиду в 32 года.

Но он не сломался и одержал ещё одну неприметную для постороннего взгляда победу над своим увечьем и болью. Помогла ему в этом верный, надёжный друг, любящая жена. Жили, как и все, трудной послевоенной колхозной жизнью.

Колхозники всё ещё платили долги военных лет. Поэтому надежда была только на личное подсобное хозяйство. Но и с него надо было сдавать налог: 270 литров молока, 100 штук яиц, полторы овчины. Платили ещё денежный налог. Да на займ подписывались на 200 рублей. Где было взять деньги? Продавали картошку, рядно, которое ткали, и всё, что придётся. И всё-таки это была мирная жизнь. Зажили Яков Тихонович с Марией Евменовной мирными заботами. Колхоз помог срубить бревенчатый дом из двух комнат, с русской печью, верандой.

Поставили баню, постройки для скота. Вырыли колодец с деревянным срубом. Подняли огород в 15 соток. Стал иногда забывать, что нет руки. С Марией такие стога метали! С марта 1947 года работал в заготконторе. Собирал задолженности по заготовкам сельхозпродуктов, которых накопилось у людей много, хотя сдавали всё в фонд обороны.

С 1954 года в жизни деревни началось улучшение. Были списаны долги военных лет с колхозов, отменены налоги на личное подсобное хозяйство. За это колхозники были очень благодарны Хрущёву с Маленковым.

Несколько лет Яков Тихонович работал директором инкубаторной станции, а с 1955 по 1961 — председателем Травнинского сельсовета. После преобразования колхоза в совхоз он работал заместителем директора совхоза по хозяйственной части.

Так жил и трудился в своём родном сибирском селе простой советский человек, коммунист, который, выполняя воинский долг, совершил на корейской земле замечательный подвиг.

21 мая 1984 года поезд «Пхеньян - Москва» остановился на первом пути станции «Новосибирск-Главный». На перрон вышел Генеральный Секретарь Трудовой партии Кореи, президент КНДР Ким Ир Сен. Он заранее запросил встречу с Новиченко Я.Т.

Посреди перрона обнялись два немолодых человека. Ким Ир Сен стал

расспрашивать о семье, о детях, о здоровье. Потом приглашал посетить КНДР в качестве гостя, вместе с семьёй. А 25 мая 1984 года был издан указ Центрального Народного Комитета КНДР о присвоении гражданину СССР Новиченко Якову Тихоновичу звания Герой Труда КНДР с вручением Золотой звезды «Серп и Молот» и ордена Государственного Знамени первой степени.

30 мая в Новосибирском Облисполкоме чрезвычайный и полномочный посол КНДР в Советском Союзе товарищ Кван Хи Тан ознакомил Я. Т. Новиченко с указом ЦК КНДР и передал ему личный подарок от товарища Ким Ир Сена.

Очень рад был Яков Тихонович, что не забыли его в Корее. Все последующие дни жил под впечатлением встречи с Ким Ир Сенем.

Вскоре приехал посол КНДР в Новосибирск для встречи с Яковом Тихоновичем. Договорились, сколько человек и когда приедут на отдых. 27 июля 1984 года Новиченко Яков Тихонович с женой Марией Евменовной, дочерью Таей и сыном Иваном вылетели из Новосибирска в Пхеньян.

Для коллектива учащихся, преподавателей, студентов Новосибирского кооперативного техникума была организована встреча с Я. Т. Новиченко в Доме политпросвещения, так как в техникуме не было такого киноаппарата, на котором можно было бы посмотреть фильм о Я. Т. Новиченко, снятый корейскими кинематографистами на японской плёнке.

В итоге у нас было впечатление, что мы вместе с семьёй Якова Тихоновича побывали в Корее. Съёмки велись уже в самолёте, который летел спецрейсом. Так что мы наблюдали за самочувствием, волнениями пассажиров. Особенно усилилось волнение, когда самолёт заходил на посадку. Яков Тихонович рассказывал нам ещё до начала фильма, что когда самолёт приземлялся, он увидел, что вся площадь запружена народом. Он подумал, что, наверное, встречают главу какого-либо государства. Но потом увидел, что эти люди встречают именно его, бывшего младшего лейтенанта Советской Армии. В руках встречающих лозунги, транспаранты, приветственные крики по-русски, по-корейски. Всё это мы видели в фильме корейских кинематографистов «Незабываемые дни». Гостей поместили в правительственной резиденции. За ними были закреплены 4 машины, 2 переводчика. «Встречали, как Бога», - сказал Яков Тихонович, оценивая гостеприимство Корейцев.

Где бы ни появлялся Новиченко в дни поездки в КНДР, везде его встречали улыбки, уважение и радушие. Его фотографии не сходили со страниц местных газет, ему посвящались специальные телепередачи, его принимал Генеральный Секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Президент Ким Ир Сен.

Яркий, красочный фильм показывает, где побывала семья Новиченко. Они объехали всю страну, наездили 3 тысячи километров. Были на нескольких торжественных приёмах.

С тех пор семья Новиченко ежегодно ездила в КНДР. У них там была своя резиденция. Ким Ир Сен приглашал семью на постоянное жительство в КНДР. Но наши земляки, благодарные гостеприимным хозяевам, жить

предпочитали дома, в родной Сибири. Теперь уже покоится Яков Тихонович в родной земле в селе Травное Доволенского района. Нет и Ким Ир Сена. Но недавно приезжала Корейская делегация в село Травное, чтобы навестить могилу Новиченко Я.Т. и поставить хороший памятник.

Я рассказала коротко историю героя моего последнего реферата, предоставленного в Москву и удостоенного диплома I Степени.

С тех пор прошло много лет. За это время в стране произошли большие изменения. Распался Советский Союз. Рухнули те идеалы, которым я служила. Жалею ли я, что так прожита жизнь? Нет, не жалею. Я делала полезное для людей дело. Сейчас я живу, как все пенсионеры. Смотрю телевизор, читаю газеты, страдаю из-за того, что происходит в стране и в мире. Очень созвучны состоянию моей души стихи Андрея Дементьева, опубликованные в «Аргументах и фактах» №29 2015 года, стр.16.:

Всю державу рассовали
по карманам
И остатки бросили в народ.
Не хотелось мне бы словом бранным
Обзывать сей социальный «взлёт».
Но хороших слов не подберу я,
Потому что горько за престиж страны,
Видя, как нам врут,
кайфуют и воруют
Те, кому бы верить мы должны.
Семь десятков лет я отработал.
Всё, что мог — отдал
стране родной.
Мне за всё одну вручили льготу -
Вкалывать, как прежде,
день-деньской.
А иначе трудно выжить
в наше время.
Пенсия сложилась с гулькин нос.
Знаю, что случилось так со всеми,
кто трудился честно и всерьёз.
Дай нам, Бог, любимые Земляне -
Книжники, врачи, учителя,-
Верить в то, что власть нас
не обманет
И не будет мачехой Земля.

Группа бухгалтеров Новосибирского кооперативного техникума
с классным руководителем Федотовой В.А. (1979г.)

Конференция по книгам Л.И.Брежнева «Малая Земля» и «Возрождение» с участием преподавателя Речного училища, защитника Малой Земли, и преподавателя машиностроительного техникума Анны Наумовны, вернувшейся из поездки по местам боевой славы на Малой Земле. Показательное мероприятие для завучей техникумов области. Руководитель - Федотова В.А. (1978г.)

Прославленную Галю-Сибирячку - Галину Николаевну Гололобову благодарит за подвиги на войне, за мужество и за прекрасное выступление перед учащимися Новосибирского кооперативного техникума преподаватель Федотова В.А.

Конференция по материалам реферата Николая Кузина «Мир отстояли - мир защитим»

В Ленинском мемориале - Группа организаторов
V Всесоюзного конкурса творческих работ
по общественно-политической тематике, участников
Всесоюзной конференции в г. Ульяновске с
работниками Минвуза СССР, ЦК ВЛКСМ,
Обкома КПСС и Обкома ВЛКСМ г. Ульяновска.
28-30 января 1985г.

Новосибирская делегация, участвовавшая в подведении итогов VI всесоюзного конкурса творческих работ по общественно-политической тематике: Карлова С.А., Федотова В.А., Кузин Н.
Москва, октябрь 1987г.

Уважаемая Валентина Алексеевна!

Коллектив Новосибирского кооперативного техникума сердечно поздравляет Вас с 55-летним юбилеем!

Вся Ваша трудовая жизнь связана с педагогической деятельностью, трудной, благородной.

На протяжении 36 лет, работая преподавателем, Вы совершенствовали свое мастерство и вносили большой вклад в дело обучения и воспитания молодежи, в том числе на протяжении 10 лет — кадров для системы потребительской кооперации СССР.

Рефераты по общественно-политической тематике под Вашим руководством неоднократно занимали призовые места во Всесоюзных смотрах-конкурсах, объявленных ЦК ВЛКСМ.

Ваша многолетняя, безупречная труд отмечена наградами Родины: медалью "За освоение целинных земель", медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина", медалью "Ветеран труда", знаком "Лабодителем социалистического соревнования 1977 года." Вы многократно отмечены званием преподаватель-методист.

Личный коллектив и всегда желает Вам неиссякаемой энергии и увлеченности своим делом, четкими и твердыми примерами обучения и воспитания специалистов для многонациональной дружбы народов нашей системы, быть мудрым наставником своим питомцам.

Желаем крепкого здоровья, отличного настроения и новых трудовых свершений.

Директор техникума Инженер Л.А. Сварщевская
Секретарь парткома Инж. - Т.М. Тиремлина
Президент профкома Инж. Т.Ф. Колотыгина

УВАЖАЕМЫЙ КОЛЛЕГА

Валентина Алексеевна

Коллектив Новосибирского кооперативного техникума сердечно поздравляет Вас с 50-летним юбилеем техникума.

Вся Ваша трудовая жизнь связана с педагогической деятельностью, трудной, но благородной.

Работая преподавателем техникума, Вы совершенствовали свое мастерство и вносили большой вклад в дело обучения и воспитания кадров для системы ордена Ленина потребительской кооперации СССР.

Наш коллектив желает Вам не порывать связи с техникумом, быть мудрым наставником своим коллегам, передавать им свои знания и опыт педагогической деятельности, учить высокому чувству ответственности за порученное дело.

Спасибо Вам за Ваш бескорыстный труд, жар души и личное обаяние.

Директор техникума
Секретарь парткома
Председатель профкома

Л. А. СВИРЩЕВСКАЯ
Ю. Н. ИЛЬЧЕНКО
С. Ф. КОЛОТЫГИНА

Возле дома своего